

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Т. Н. Нуркаева, Я. В. Линевич

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ
СВЕДЕНИЙ О МЕРАХ БЕЗОПАСНОСТИ, ПРИМЕНЯЕМЫХ
В ОТНОШЕНИИ СУДЬИ И УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
ПРОЦЕССА**

Учебное пособие

Уфа 2018

УДК 343.36:343.45(470)(075.8)
ББК 67.408.143(2 Рос)я73-1
Н90

*Рекомендовано к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

Рецензенты: Р. Р. Кутуев (Министерство внутренних дел по Республике Башкортостан);
кандидат педагогических наук Р. С. Куликов (Казанский юридический институт МВД России)

Нуркаева, Т. Н.

Н90 Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса [Текст] : учебное пособие / Т. Н. Нуркаева, Я. В. Линевиц. – Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2018. – 53 с.

ISBN 978-5-7247-0974-3

Настоящее учебное пособие посвящено вопросам уголовной ответственности за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса. Показаны международные основы обеспечения мер безопасности в отношении лиц, подлежащих государственной защите; рассмотрены исторические аспекты, а также современное отечественное уголовное законодательство об ответственности за указанные преступления.

Пособие предназначено для обучающихся образовательных организаций системы МВД России.

УДК 343.36: 343.45 (470) (075.8)
ББК 67.408.143 (2 Рос)я73-1

ISBN 978-5-7247-0974-3

© Нуркаева Т. Н., 2018
© Линевиц Я. В., 2018
© Уфимский ЮИ МВД России, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Международные основы обеспечения мер безопасности в отношении лиц, подлежащих государственной защите.....	6
Глава II. Развитие отечественного уголовного законодательства, обеспечивающего сохранность сведений о мерах безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства.....	15
Глава III. Современное уголовное законодательство России об ответственности за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса.....	23
§ 3.1. Особенности объекта, предмета состава преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ, и круга потерпевших, в отношении которых могут применяться меры безопасности.....	23
§ 3.2. Особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ.....	35
§ 3.3. Особенности субъекта и субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ.....	41
Заключение.....	48
Список использованной литературы.....	50

ВВЕДЕНИЕ

Обострение проблемы защиты участников уголовного судопроизводства ассоциируется с реформационными процессами в России начала 90-х гг. прошлого столетия. Именно в этот период существенно изменились социально-политические и экономические условия жизни российского общества. Кардинальная трансформация органов власти и управления в условиях передела «советской» собственности привела к ослаблению правоохранительной и судебной деятельности, возрастанию коррумпированности чиновников, росту преступности, эскалации организованной и транснациональной преступной деятельности. Криминал стал активно противодействовать правосудию.

В сложившейся ситуации в следственной и судебной практике была отмечена устойчивая тенденция к росту случаев воздействия преступников и связанных с ними лиц на потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства с целью воспрепятствования установлению истины по уголовным делам.

Согласно статистическим данным ежегодно в ходе расследования уголовных дел более 10 млн. человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей. В целях ухода от уголовной ответственности криминал к участникам уголовного судопроизводства стал часто применять приемы и методы физического и психологического воздействия, склоняя их к изменению своих показаний либо отказу от них. Результатом этого становятся случаи отказа и уклонения потерпевших и свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве¹. Такая обстановка отрицательно влияет на эффективность и объективность расследования, препятствует установлению истины и изобличению виновных по делу.

В этих условиях обеспечение безопасности участников уголовного процесса, необходимость сохранения в тайне данных предварительного расследования и сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства, является важной гарантией раскрытия и эффективного расследования преступлений в современных условиях, а также соблюдения законных прав и интересов граждан, которые могут пострадать от преждевременной огласки применяемых в отношении них мер безопасности.

Для обеспечения защиты указанных лиц государство предусмотрело ряд мер безопасности, которые перечислены в Федеральных законах от 20 апреля 1995 г. «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и 20 августа 2004 г. «О госу-

¹ См.: Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы» (утверждена постановлением Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586) // СПС «КонсультантПлюс».

дарственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Однако применение этих мер безопасности на практике было связано с рядом проблем, прежде всего экономического и организационного характера. Достаточно отметить, что в 2012 г. в соответствии с реализацией Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы»¹ были применены меры государственной защиты в отношении лишь 2800 участников уголовного судопроизводства.

Среди проблем можно назвать и утечку информации о применяемых мерах безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов. Тем самым создается реальная угроза для жизни и здоровья защищаемых лиц, а, также препятствие для осуществления нормальной деятельности органов правосудия, правоохранительных органов. Для борьбы с этим явлением в Уголовном законе появились нормы, содержащиеся в статьях 311, 320 УК РФ.

Анализ следственно-судебной практики последних лет показывает, что, к сожалению, указанные статьи практически не работают. В пределах Республики Башкортостан с момента вступления в силу УК РФ 1996 г. не возбуждено ни одного уголовного дела по ст.ст. 311, 320 УК РФ. На уровне России подобные дела носят единичный характер. Так, в 2006 г. по ст. 311 УК РФ было зарегистрировано одно преступление, в 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014 гг. – 0, в 2015 г. – 1².

Это во многом обусловлено тем, что хотя указанные выше федеральные законы действуют давно, сами меры безопасности в полном объеме стали применяться относительно недавно ввиду слабого финансирования со стороны государства. Лишь в 2008 году при МВД России создано Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите. В 2013 г. принята Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы», рассчитанная на применение мер государственной защиты в отношении свыше 20 тысяч участников уголовного судопроизводства.

Указанные обстоятельства предопределили выбор нами темы настоящего учебного пособия, его направленность и содержание.

¹ Утверждена постановлением Правительства РФ от 2 октября 2009 г. № 792.

² Состояние преступности за 1997–2015 годы. М.: ГИАЦ МВД России, 2016.

ГЛАВА I. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ

В международном гуманитарном праве неуклонно возрастает удельный вес норм, ориентированных на человека. Государствами согласовываются общечеловеческие стандарты прав и свобод личности, а также предоставление самой личности юридической возможности реализовать и защищать признаваемые права и свободы¹.

Особое внимание международным сообществом уделяется выработке и закреплению в соответствующих актах основных правовых гарантий, удовлетворяющих представления о справедливом правосудии. Среди них – эффективная защита участников уголовного процесса, подвергаемых насилию, угрозам и другим неправомерным воздействиям. Эта проблема в последние годы стала привлекать более пристальное внимание большинства государств.

Появился целый ряд крупных международных инициатив и документов, направленных на улучшение правового положения субъектов уголовно-процессуальных отношений, содержащих общечеловеческие стандарты защиты их прав и свобод в ходе осуществления правосудия. Такие стандарты конституируются в качестве нормативного минимума, который определяет уровень государственной регламентации с допустимыми отступлениями в форме его превышения или конкретизации.

Среди всемирных, универсальных организаций, цели и задачи которых имеют существенное значение для международного сообщества, можно выделить деятельность Организации Объединенных Наций (ООН). Устав этой организации опирается на общие правовые ценности, исходящие из принципа верховенства права, господства закона, признания и соблюдения прав и свобод человека. Эти положения являются фундаментальной основой того, что принято называть принципами и стандартами мировой и европейской цивилизации.

«Всеобщая декларация прав человека» – один из первых документов ООН, устанавливающих «общий стандарт», к которому должны стремиться все государства². В Декларации воплощены те общечеловеческие ценности, которые необходимы для достойного развития каждого человека, обеспечения его прав и законных интересов. Они выражают опыт, накопленный мировым сообществом, и определяют ту планку, ниже которой цивилизованные государства не могут опускаться.

Прямым развитием идей Всеобщей декларации, в том числе тех, которые касаются защиты человека, явилась разработка «Международного пакта о гражданских и политических правах»³. Ценность этого нормативного акта заключается в том, что он на более высоком уровне, детально и

¹ Фельдман Д. И. Система международного права. Казань, 1983. С. 62; Колосов Ю. М. Международные стандарты в области прав человека и проблемы советского законодательства // Советский журнал международного права. 1991. № 2. С. 67–68; Бирюков П. Н. Роль международно-правовых норм в обеспечении «права на правовую защиту» // Правоведение. 1992. № 2. С. 24.

² Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.

³ Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.

подробно определил международные стандарты в рассматриваемой области. Особого внимания заслуживает ст. 14 данного документа, допускающая возможность закрытого судебного разбирательства по соображениям морали, общественной и государственной безопасности или когда того требуют интересы частной жизни сторон, а также при иных обстоятельствах, когда публичность нарушала бы интересы правосудия. Безусловно, данное положение распространяется и на случаи оказания противоправного воздействия на субъектов уголовно-процессуальных отношений.

Начиная с 1985 г. ООН стала проводить более интенсивную работу по выработке принципов и стандартов защиты участников уголовного судопроизводства. Мировое сообщество было обеспокоено тем, что «жертвам преступлений, а также зачастую их семьям, свидетелям и другим лицам, оказывающим им помощь, несправедливо наносится ущерб, телесные повреждения или ущерб их собственности и что, помимо этого, они могут подвергаться лишениям при оказании содействия судебному преследованию правонарушителей»¹. Возникла настоятельная необходимость принятия международных и национальных мер по обеспечению всеобщего и эффективного признания и уважения прав участников уголовного судопроизводства.

Интеграция России в мировое сообщество, в частности вступление в Совет Европы, требует реализации в российском законодательстве рекомендаций международного сообщества по применению мер безопасности. Сближение отечественного законодательства с общепризнанными международными стандартами предполагает дальнейшее развитие правовой системы, регулирующей деятельность в сфере обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Международное сообщество еще с начала 50-х годов XX века стало уделять особое внимание проблемам, связанным с обеспечением прав человека и организацией деятельности органов уголовной юстиции, в связи с чем были разработаны документы, составившие основной свод международных стандартов. Вся эта деятельность осуществляется Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию Экономического и Социального Совета ООН, Конгрессами ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

Защита судей и участников уголовного процесса от различного рода потенциальных посягательств стала поистине общемировой проблемой, о чем свидетельствует целый ряд документов международного права, принятых после середины 40-х годов XX века, например: Каракасская декларация, поддержанная Генеральной Ассамблеей ООН в Резолюции 35/171 1980 г., принятая в Каракасе в 1980 г. на VI Конгрессе ООН; Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью и «Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия», принятые в Милане в 1985 г. на VII Конгрессе ООН; «Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуще-

¹ Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992. С. 242.

ствляющих судебное преследование», принятые на VIII Конгрессе ООН, состоявшемся в Гаване в ноябре 1990 г.¹.

Международные документы, посвященные проблемам защиты судей и участников уголовного процесса, оказали определенное воздействие на формирование государственной системы защиты судей и участников уголовного процесса на внутригосударственном уровне.

Из вышеперечисленных документов хотелось бы отметить Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью. Эта Декларация посвящена проблемам жертв преступности (возмещение причиненного преступлением ущерба и др.), а также проблемам обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей, иных лиц, содействующих правосудию, и их близких. В п. 6.1 Декларации рекомендуется принять меры «для сведения к минимуму неудобств для жертв, охраны их личной жизни в тех случаях, когда это необходимо, и обеспечения их безопасности, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и их защиты от запугивания и мести».

В п. 12 этого документа рекомендовано предпринять необходимые законодательные и другие меры в целях обеспечения жертв преступлений эффективными средствами правовой защиты².

Текст данной Декларации многими странами был положен в основу принятых законов, например: в Австралии принято административное положение, регламентирующее выполнение рекомендаций Декларации; на ее основе в Великобритании в 1990 году принята «Хартия жертв преступлений»³. Кроме того, Декларация послужила определенным толчком для дальнейшего развития обеспечения прав свидетелей и потерпевших в тех странах, где эта работа уже велась, например в Соединенных Штатах Америки.

В августе – сентябре 1990 г. в Гаване состоялся VIII Конгресс ООН, темой которого было «Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в XXI веке». В п. 18 «с» разработанных Конгрессом «Рекомендаций относительно международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития» к проблемам, вызывающим общий интерес и подлежащим дальнейшей разработке, отнесено обеспечение «надлежащей защиты» потерпевших и свидетелей. Специально обращено внимание на необходимость обеспечения безопасности и охраны информации о мерах безопасности этих лиц по отдельным категориям преступлений. В резолюции Конгресса, в п. 23 раздела «Защита жертв», установлено: «Государствам следует создавать надлежащие механизмы защиты и принимать соответствующее законодательство, а также выделять достаточные ресурсы для оказания помощи жертвам терроризма», а в п. 25 раздела «Защита свидетелей» отмечено: «Государствам следует применять меры и полити-

¹ Сборник международных документов по защите прав и свобод человека. 2-е изд. с изм. и доп. М., 2006. С. 72, 85.

² См.: Доклад Генерального секретаря ООН «Меры по осуществлению декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью» // Док. E/AC.57/1988/3, 1988.

³ Брусницын Л. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М., 2001. С. 55.

ку, направленные на эффективную защиту свидетелей террористических актов»¹. Для этого необходимо создавать надлежащие механизмы защиты и принимать соответствующее законодательство, а также выделять достаточные ресурсы для оказания помощи данным субъектам уголовно-процессуальных отношений (п.23). Государствам предлагается осуществлять эффективное взаимное сотрудничество и оказывать друг другу помощь по реализации программ защиты участников судопроизводства (пп. 22, 24, 26).

На этом же Конгрессе были приняты «Руководящие принципы предупреждения организованной преступности и борьбы с ней», в которых отмечалось, что в ходе расследования и судебного разбирательства уголовного дела, а также в деятельности правоохранительных органов все более важное значение приобретает защита свидетелей от насилия и запугивания. В случае возникновения угрозы противоправного давления необходимо сохранить конфиденциальность сведений о личности свидетеля, предоставить охраняемое жилье, обеспечить личную охрану, переселение и финансовую помощь (п. 11).

VIII Конгресс также одобрил резолюцию «Защита прав человека – жертв преступлений и злоупотребления властью», рекомендовавшую правительствам рассмотреть вопрос о создании государственных и общественных служб по оказанию поддержки жертвам преступлений и содействовать разработке соответствующих программ подготовки специалистов в этой области.

Согласно резолюции 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21–25 октября 1991 г. в г. Суздале состоялся международный семинар, на котором были выработаны практические рекомендации по борьбе с организованной преступностью. Особое внимание в итоговом документе обращено на защиту участников уголовного процесса. Было предложено, чтобы национальные системы уголовного правосудия уделяли пристальное внимание законодательным положениям, программам и другим законам, направленным на обеспечение безопасности, прежде всего свидетеля. В частности, рекомендовано рассмотреть целесообразность применения мер по защите свидетелей, разрешающих их перемещение и изменение фамилий, а также предусматривающих физическую защиту при наличии угрозы со стороны обвиняемого и его сообщников. Для этого необходимо осуществить мероприятия, которые обеспечат свидетелей документами, разрешающими им (и их семьям) изменить фамилию, предоставят временное жилище, урегулируют проблемы с транспортировкой мебели и других вещей на новое место жительства, позволят оказать финансовую помощь, помощь в получении работы и предоставлении других услуг, позволяющих свидетелям вести полноценную жизнь². Указанные рекомендации были одобрены 46-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН и впоследствии представлены на первой сессии Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Вена, 21–30 апреля 1992 г.). Резуль-

¹ Восьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Нью-Йорк, 1993. С. 18.

² Практические меры борьбы с организованной преступностью // Вестник МВД Российской Федерации. 1992. № 5. С. 67.

таты суздальского семинара нашли отражение в резолюции «Организованная преступность», принятой указанной сессией.

Успешным примером международного сотрудничества стало проведение 21–23 ноября 1994 г. в г. Неаполе Всемирной конференции по организованной транснациональной преступности, итогом которой явилось принятие «Неапольской политической декларации и Глобального плана действий против организованной транснациональной преступности». В документе содержатся рекомендации о разработке мер, поощряющих членов преступных организаций к сотрудничеству с судебными и правоохранительными органами путем дачи правдивых свидетельских показаний (п. 17). В этих целях на национальном уровне должны быть приняты и реализованы программы защиты свидетелей и членов их семей (пп. 17, 42). Одной из дорогостоящих, но эффективных мер защиты названо изменение места жительства семьи, которая может стать объектом мести.

В предварительной повестке IX Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшегося 29 апреля– 8 мая 1995 г. в г. Каире (Египет), признано, что в рамках судебного разбирательства, как и в рамках правоохранительной деятельности, более пристальное внимание уделяется положению жертв преступлений. В целях сведения к минимуму возможности вторичной виктимизации для них создаются специальные условия в уголовном судопроизводстве (представление свидетельских показаний в записи на видеопленку, организация отдельных комнат ожидания в судах). На этом же Конгрессе высказана обеспокоенность тем фактом, что уголовное преследование и сбор доказательств бывают затруднены, когда свидетели совершенного преступления не находятся в государстве, в котором это преступление было совершено¹.

IX Конгресс ООН также выразил свою озабоченность в связи с бедственным положением потерпевших и настоятельно призвал в полной мере использовать и применять Декларацию ООН основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью. Было предложено активизировать меры на национальном и международном уровнях по защите участников уголовного процесса. Особое внимание обращено на необходимость разработки специальных программ, обеспечивающих в уголовном судопроизводстве безопасность потерпевших–женщин, а также на эффективность свидетельских показаний, записанных на видеопленку, по делам о преступлениях в отношении несовершеннолетних².

Наряду с процессом принятия международных норм, которые призваны обеспечить должную безопасность лиц, содействующих уголовному судопроизводству, в ООН шел процесс выработки документов, ориентиро-

¹ Рекомендации в отношении четырех основных тем девятого Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Доклад девятого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Каир, 1995. С. 6.

² Стратегии в области предупреждения преступности, в частности, в отношении преступлений в городских районах и преступности среди несовершеннолетних и преступлений с применением насилия, включая вопрос о потерпевших: оценка и новые перспективы // Доклад девятого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Каир, 1995. С. 13.

ванных на надежную защиту должностных лиц судебных и правоохранительных органов при добросовестном осуществлении ими своих функций.

В частности, в «Основных принципах, касающихся независимости судебных органов», отмечается, что безопасность судей необходимо надлежащим образом гарантировать государством и закреплять в конституции или законах страны (п. 11)¹. Каждое государство обязано предоставлять соответствующие средства, позволяющие судебным органам выполнять свои функции (п. 7).

«Основные принципы, касающиеся роли юристов» обязывают правительства государств предоставлять юристам возможность выполнять все свои профессиональные функции в обстановке, свободной от угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства². В тех случаях, когда возникает угроза безопасности юристов в результате выполнения ими своих обязанностей, власти обеспечивают им надлежащую защиту.

Аналогичные положения были закреплены в «Руководящих принципах, касающихся роли лиц, осуществляющих судебное преследование»³. Государствам предлагается оградить указанных субъектов уголовно-процессуальных отношений от противоправных воздействий со стороны обвиняемых. Лицам, осуществляющим судебное преследование, а также их семьям гарантируется физическая защита со стороны властей в тех случаях, когда существует угроза их безопасности в результате выполнения ими профессиональных функций.

Анализ рассмотренных нами документов позволяет сделать вывод о том, что в деятельности ООН и действующих под ее эгидой организаций в последние годы отмечается тенденция перехода от разработки принципов и стандартов защиты участников уголовного судопроизводства, носящих общий характер, к созданию конкретных мер обеспечения безопасности и механизмов их реализации в практической деятельности. Продолжая активизировать нормотворческую деятельность, ООН в настоящее время принимает новые инициативы, с тем, чтобы полнее гарантировать права человека и сделать еще более эффективной их защиту⁴.

Кроме ООН принципы и стандарты защиты участников уголовного судопроизводства вырабатываются и региональными международными организациями. Значительную деятельность в области правосудия осуществляет Совет Европы (СЕ), в рамках которого принято более 160 конвенций, большинство из них были открыты для присоединения любых европейских государств.

Основополагающей и концептуальной по рассматриваемому направлению является «Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 г. (г. Рим). Конвенция не только закрепляет

¹ Приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшимся в Милане с 26 августа по 6 сентября 1985 года, и одобрены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 года.

² Приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 года.

³ Приняты восьмым Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, Куба, 27 августа - 7 сентября 1990 года.

⁴ Бутрос-Гали Б. Организация Объединенных Наций и права человека. М., 1995. С. 144.

субъективные права и свободы человека, но и обязывает государства защищать их. В частности, в п. 1 ст. 6 этого документа сказано, что пресса и публика могут не допускаться на все судебное разбирательство или часть его при особых обстоятельствах, когда публичность нарушала бы интересы правосудия. Европейская комиссия и Суд по правам человека пояснили, что в интересах правосудия признано допустимым закрытое судебное разбирательство в целях защиты свидетелей, испытывающих большой страх. В дальнейшем аналогичное положение было закреплено в проекте Декларации о праве на справедливое судебное разбирательство от 25 июня 1993 г., где в целях справедливого правосудия, а также обеспечения безопасности участвующих в процессе лиц допускается проведение закрытого суда.

Совет Европы также разработал ряд основополагающих международных документов, касающихся непосредственно государственной защиты участников уголовного процесса.

Особое внимание в принятых Советом Европы конвенциях и рекомендациях уделяется повышению уровня доверия к уголовному правосудию у защищаемого государством участника уголовного судопроизводства и поощрению сотрудничества потерпевших и свидетелей с правоохранительными органами.

Советом Европы разработано 16 руководящих принципов, рекомендованных к учету правительствами государств при пересмотре национального законодательства и практики его применения. В их числе следует отметить следующие:

- информирование полицией потерпевшего о возможностях получения содействия, практической и правовой помощи, компенсации со стороны правонарушителей и государства, а также о результатах полицейского расследования;

- освобождение правонарушителя от уголовной ответственности только после решения вопроса о компенсации потерпевшему;

- информирование судом потерпевшего о дате и месте проведения разбирательства, его возможностях получения возмещения и компенсации в ходе уголовного процесса, правовой помощи и способах, с помощью которых он может узнать об итогах рассмотрения дела;

- повышение уровня защиты потерпевшего от разглашения любых фактов, которые могут неоправданно затронуть частую жизнь или оскорбить достоинство потерпевшего (за счет закрытого судебного заседания, неразглашения личной информации и т.п.);

- обеспечение эффективной защитой потерпевшего и его семьи от запугиваний и возможной мести со стороны преступника (особенно по делам организованной преступности).

В 1998 г. на Римской дипломатической конференции был принят «Статут Международного уголовного суда» как постоянного судебного органа, призванного осуществлять правосудие в отношении лиц, совершивших такие преступления, как преступления против человечности, агрессия, геноцид, военные преступления.

Римский статут Международного уголовного суда является наиболее важным международным документом, детально регламентирующим безопасность лиц при рассмотрении уголовных дел. В этом документе содержатся положения о полномочиях прокурора по принятию необходимых мер или прошению о принятии необходимых мер для обеспечения конфиденциальности информации, защиты любого лица или сохранности доказательств (ст. 54)¹. В частности, прокурор может не давать согласие на раскрытие на любом этапе производства документов или информации, которые были получены прокурором на условиях сохранения конфиденциальности.

В ст. 87 Статута устанавливается сотрудничество между государствами и судом в обеспечении безопасности потерпевших и свидетелей. В частности, суд может обратиться к государству с просьбой об использовании информации так, чтобы при этом обеспечивались безопасность и физическое или психическое благополучие любых потерпевших, потенциальных свидетелей и их семей. Суд уполномочен предоставить защищаемому лицу гарантию его безопасности (ст. 93).

Вступление в Совет Европы и ратификация Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод потребовали от России ускорить процесс разработки и принятия Закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», однако на примере некоторых стран – участниц Совета Европы можно видеть, что специальные законы в этой сфере ими были приняты со значительной задержкой, например, в ФРГ закон «О регулировании вопросов обеспечения защиты свидетелей, которым угрожает опасность» был введен в действие лишь в 1998 г.

Проблему защиты участников уголовного процесса пытались решить в ходе подписания двухсторонних договоров и соглашений главы государств – членов СНГ, и лишь в январе 1993 года в г. Минске ими была подписана «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам», в которой содержится ряд международных принципов по борьбе с преступностью. К сожалению, в данном документе отсутствуют какие-либо рекомендации по проведению совместных действий, направленных на защиту участников уголовного судопроизводства по уголовным делам, в отношении членов международных организованных преступных групп и сообществ.

Справедливости ради следует отметить, что в рамках СНГ ведется определенная работа, направленная на подготовку и принятие специального законодательства, способствующего повышению активности субъектов судопроизводства в деле борьбы с организованной преступностью, не признающей границ между странами СНГ. К таким правовым актам можно отнести: «Модельный закон о защите свидетелей, потерпевших и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству» (принят на десятом

¹ См.: «Римский статут Международного уголовного суда» (Вместе с «Пособием для ратификации и имплементации...») (Принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда) // СПС «Консультант Плюс».

пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ постановлением от 6 декабря 1997 года №10-14); «Модельный закон о государственной защите судей, работников правоохранительных и контролирующих органов» (принят в 1998 году Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ); «Соглашение о защите участников уголовного судопроизводства» (заключено 28 ноября 2006 года в Минске). В них учтены международные принципы в данной области¹.

Вместе с тем принятые странами – участниками СНГ законодательные акты не учли в большей степени опыт зарубежных стран, где уже имеются механизмы защиты субъектов уголовно-процессуальных отношений. Модельные законы по своему содержанию в определенной мере напоминают редакции ряда российских федеральных законов. Кроме того, реализация их положений во многом будет зависеть от экономических возможностей и состояния национального законодательства каждого из государств СНГ и соответствия общепризнанным международным стандартам.

Таким образом, на международном уровне принято немало документов, посвященных обеспечению безопасности участников уголовного процесса. Вместе с тем анализ этих документов свидетельствует о том, что основное внимание в них уделяется проблемам обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших от преступлений и недостаточное внимание – обеспечению безопасности других участников уголовного процесса. Кроме того, рассмотренные нами документы носят в основном общий рекомендательный характер, они не несут за собой никаких правовых гарантий, связанных с обеспечением мер безопасности участников уголовного процесса. Необходимо отметить, что число международных соглашений и документов, содержащих принципы и стандарты государственной защиты участников уголовного процесса, имеющие общее и частное применение в исследуемой области, весьма велико. В определенной степени некоторые из них дублируют друг друга. Поэтому в настоящее время перед мировым сообществом стоит прежде всего проблема имплементации рассмотренных нами норм международного гуманитарного права. На это обстоятельство справедливо указывалось еще в докладе VI конгресса ООН, где было признано, что увеличение количества международных принципов и стандартов может привести к снижению практической значимости принятых документов. Поэтому наиболее важной задачей является осуществление стандартов в различных регионах и странах в полном соответствии с имеющимися там правовыми традициями и культурой. Интеграция России в систему основных международных пактов и конвенций по правам человека, и особенно вступление в Совет Европы, обязывают ее учесть в своем законодательстве основные требования ООН и СЕ в области государственной защиты участников уголовного процесса.

¹ Ромодановский К. О. Международные стандарты и принципы организации защиты участников уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2005. № 9. С. 10 –12.

ГЛАВА II. РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕГО СОХРАННОСТЬ СВЕДЕНИЙ О МЕРАХ БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Отечественное законодательство, предусматривающее ответственность за преступления против правосудия, в том числе направленные против интересов судьи и участников уголовного процесса, непосредственно связано с определенными историческими этапами развития общества, государственности, формированием религиозных и моральных представлений, национальной правовой культуры.

При этом уголовно-правовая охрана интересов правосудия и участников уголовного процесса всегда осуществлялась путем установления круга злоупотреблений правами и обязанностями его представителей (посягательства «изнутри»), с одной стороны, и круга деяний, совершаемых против лиц, осуществляющих функции представителя власти в сфере правосудия (посягательства «извне»), – с другой¹. Это объяснялось, в частности, тем, что судебный процесс в стране носил публичный характер. В нем участвовали стороны: представители власти, осуществлявшие правосудие, и другие лица, участие которых было вызвано необходимостью установления истины по делу, исполнения вынесенных судебных решений.

Источники Древней Руси наглядно демонстрируют неравное положение участников судопроизводства, что объяснялось существованием сословно-феодальных отношений в обществе. Представители феодальной аристократии, отправляющие правосудие, занимали самое привилегированное положение: любое посягательство на них каралось суровыми мерами. Так, согласно ст. 6 Новгородской Судной грамоты наказывались действия по подстрекательству толпы к нападению на суд или на противоположную сторону. Такие действия, совершенные в отношении посадника, тысяцкого, владычного наместника, иных судей, наказывались штрафом в зависимости от сословной принадлежности потерпевшего².

Самым известным, дошедшим до нас правовым документом древнерусского права является Русская Правда (Краткая и Пространная редакции). Русская Правда содержала нормы уголовного, наследственного, торгового и процессуального законодательства, являлась главным источником правовых, социальных и экономических отношений Древней Руси. Основными видами преступного поведения в ней признавались общественно опасные деяния против личности и имущества. Вышеуказанное законодательство Древней Руси уже в то время содержало нормы, предусматривающие ответственность за преступления, направленные против интересов судьи и участников уго-

¹ Уголовное право. Особенная часть. / под ред. И. Я. Козаченко, З. Л. Незнамовой, Г. П. Новоселова. М., 1998. С. 615.

² Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. М., 1984 – 1994. Т. 1. С. 310.

ловного процесса¹. При этом законодательство Древней Руси при охране интересов судебной власти ограничивалось специальной защитой жизни приближенных князя, в том числе осуществлявших судебные функции.

Статья 1 Краткой редакции Русской Правды предусматривала наказания за убийство княжеского дружинника, княжеского приказчика, тиуна, судебного должностного лица. В качестве наказания альтернативно предусматривались кровная месть либо денежный штраф. Кровная месть в качестве наказания рассматривалась со стороны близких родственников: сына, отца, брата, детей брата и т. п. Если не было желающих отомстить, то назначался штраф.

Анализ памятников древнерусского права показывает, что приоритет в охране отношений, обеспечивающих правосудие, распространялся на те из них, которые непосредственно защищали служителей судебной власти либо лиц, обеспечивающих ее осуществление. К последним можно отнести лиц, следивших за порядком в суде, осуществлявших вызов в суд сторон, арест и пытку обвиняемых и др.

Предусматривались меры, направленные на ограждение суда от постороннего вмешательства. Статья 58 Псковской Судной грамоты устанавливала наказание в виде заключения в колодки, штраф в пользу князя за самовольное и насильственное вторжение в судебное помещение, за нанесение ударов специальному должностному лицу, следившему за порядком в помещении суда². Подобные нормы ограждали судебное разбирательство от постороннего влияния, к тому же способствовали росту судебного авторитета.

Правовыми нормами того времени предусматривались права и обязанности сторон процесса, устанавливался процессуальный порядок разбирательства. В доказывании широко распространены были ордалии, которые олицетворяли собой божий суд, т. е. испытания водой, раскаленным железом, судебный поединок, а также возможность применения пыток при недостатке свидетелей и др.

Показания свидетелей имели разную доказательственную силу в зависимости от их социального положения. Чем значительнее был предмет спора, тем более высокое положение должен был занимать свидетель, чьи показания могли быть признаны допустимыми.

Пространная редакция Русской Правды вообще не разрешала принимать во внимание показания холопа (несвободного). Свидетелями могли быть только свободные, при их отсутствии – боярский тиун, т. е. служащий, управляющий феодальным хозяйством либо выполняющий поручения феодала³.

Защита в первую очередь представителей феодальной аристократии и судебных служителей тем не менее не означала расправу со стороны судебных чиновников. Нормами права той эпохи категорически запрещались произвол, самосуд, расправа над обвиняемыми. Если же судебный чинов-

¹ Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 238.

² Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 369.

³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 69.

ник (волостель, поселник) совершал подобные действия, то сам попадал под суд (ст. 36 Новгородской Судной грамоты)¹.

Необходимо отметить, что именно Краткая редакция Русской Правды (середина XI века), в последующем получившая название Правды Ярослава, содержала традиционные нормы уголовного и процессуально права. В ст. 33 этого правового источника предусматривались санкции за физическое насилие в отношении лиц, причастных к рассмотрению дел о преступлениях².

Ввиду того, что на территории Киевской Руси образовалось полтора десятка самостоятельных княжеств, были приняты удельные варианты Русской Правды. Во многих документах, в том числе в ст.ст. 1 и 8 Устава князя Владимира Святославовича о церковных судах и Устава князя Ярослава о церковных судах, предусматривались особенности осуществления защиты судебной власти³.

Правовые предписания, обеспечивающие защиту правосудия и участников уголовного процесса, были предусмотрены также в Новгородской и Псковской княжествах. Например, Новгородская судная грамота (XV в.) строго запрещала судьям брать взятки («посулы») и решать дела по знакомству, что касается интересов участников уголовного процесса, то здесь были установлены запреты на распространение любой информации о материалах дела и о лицах, по ним проходящих. Такие же нормы содержались и в Псковской судной грамоте, Судебниках древней и средневековой Руси, таких как Мерило Праведное, Кормчая Книга и различные судебные грамоты. При этом последние нормативные документы подробнее, чем Русская Правда, описывали систему судопроизводства и предусматривали защиту от различных видов вмешательства в судебный процесс. Так, в ст. 6 Кормчей Книги запрещалось «наводки наводить», то есть побуждать толпу к нападению на суд либо на одну из сторон, а ст. 26 предусматривала защиту интересов участников уголовного процесса. В ней содержался запрет разглашать информацию о чем-либо и о ком-либо по рассматриваемому делу⁴.

Псковская Судная грамота (1467 г.) значительное место уделяла не только посягательствам на личность, собственность, но и на власть. Также она предусматривала ответственность за более широкий круг действий, препятствующих отправлению правосудия: за тайный посул судье, насильственное вторжение в помещение суда (судебню), нанесение побоев участникам судопроизводства, разглашение о них каких-либо сведений, способствующих нарушениям в судопроизводстве, их дискредитации и т. п.⁵

¹ Российское законодательство X--XX веков. Т. 1. С. 318.

² Чистяков О.И. Российское законодательство X--XX веков. Т. 1. М., 1984. С. 47 – 48; 50.

³ Чистяков О.И. Российское законодательство X--XX веков. Указ. раб. С. 149, 168.

⁴ Там же. С. 306.

⁵ Зимин А.А. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII – XV вв. // Памятники русского права. М., 1953. С. 231.

Итак, судебный процесс эпохи Древнерусского государства характеризовался отсутствием безопасности участников судебного разбирательства, нередко представляя угрозу для их жизни. Доказательственное значение показаний участников судебного разбирательства напрямую зависело от социального статуса этих участников и вида преступления, по которому учитывались эти показания.

Указанные черты сохранились и в последующие века. Так, в Судебниках 1497 и 1550 гг. судебный поединок («поле») оставался одним из видов доказывания¹. Сохранило свое значение как доказательство применение пытки. Согласно ст. 34 Судебника 1497 г. следовало пытаться вора (татя). Применение пытки возлагалось на особое должностное лицо – недельщика. В какой-то степени недельщик был прообразом современного дознавателя, следователя. Подчинялся он непосредственно суду, однако оплата его труда осуществлялась не из казны, а за счет заинтересованной стороны, что фактически исключало беспристрастность с его стороны.

Судебником 1550 г. устанавливалась ответственность за такие преступления против правосудия, как:

1) вынесение судьей неправосудного решения вследствие получения взятки (ст. 3);

2) заведомо ложное обвинение судей в ябедничестве, т. е. в умышленном неправосудии (ст. 6);

3) заведомо ложный донос государю, т.е. необоснованная жалоба истца на судей, отказавших ему в иске по причине его незаконности (ст. 7);

4) ложное обвинение дьяков и подьячих в лихоимстве, т.е. самовольном увеличении взимаемой судебной пошлины, или иных злоупотреблениях (ст. 8–13);

5) оскорбление участника судебного разбирательства (ст. 26)².

По Судебнику 1550 г. каралось самоуправство местных судей, проявлявшееся в применении к осужденному санкций за тяжкое преступление при отсутствии утвержденного судебного решения.

В XV–XVI вв. в Московском государстве создается определенная совокупность правовых норм, запрещающих ряд злоупотреблений судебных чиновников. Начинают проявляться элементы справедливого правосудия и соблюдения прав личности в процессе его осуществления.

Эти тенденции сохранили свое значение в XVII – начале XVIII вв. Весомый вклад в развитие уголовного права внесло Соборное уложение 1649 г. В этом правовом источнике законодатель предпринял попытку унифицировать уголовно-материальные и уголовно-процессуальные нормы по осуществлению судопроизводства. Обе группы норм в основном были сосредоточены в гл. X «О суде»³.

¹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 80.

² Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 82 – 157.

³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 285 – 326.

Соборное уложение 1649 г. содержало значительное число уголовно-правовых норм, направленных на осуществление справедливого правосудия. Оно представляло собой кодифицированный источник с рядом неотъемлемых атрибутов истинного судопроизводства, пришедших на смену антигуманных, культовых, обрядовых способов его осуществления.

Нормы о преступлениях против правосудия включали такие положения: должностные злоупотребления в системе правосудия, например, ложное обвинение, вынесенное судьей (ст. 107 гл. X); преступления лиц, привлекаемых к участию в деле, в частности, ложное крестоцелование при даче показаний (ст. 27 гл. XI «Суд о крестьянах»); воспрепятствование осуществлению судебного акта, например, незаконное освобождение из тюрем воров и разбойников (ст. 104 гл. XXI «О разбойных и о тайных делах»), и др. Предусматривалась ответственность за разного рода нарушения порядка во время судебного разбирательства: оскорбления, драки, убийства (ст.ст. 105–106 гл. X). В гл. X содержались нормы об ответственности за ложные челобитные (ложные кассационные жалобы царю) – (ст. 14); ложные судебные иски (ст. ст.18 –19); ложный донос на судью (ст. 106); ложные показания свидетелей (ст. ст. 162 –166) и др.

Следует отметить, что в данном историческом памятнике значительное развитие получили нормы, предусматривающие ответственность за различного рода посягательства на участников процесса. В первую очередь, наиболее суровые меры наказания предусматривались за посягательства на судью, который признавался символом правосудия и подлежал уголовно-правовой защите не только в связи с осуществлением судебной деятельности. Статья 106 Уложения предусматривала битие кнутом или батогами виновного в оскорблении судьи «непригожим» словом. Если судье наносился телесный вред, то в качестве наказания предусматривалось отсечение руки. «А кто судью в приказе или где-нибудь убьет, то самого убийцу казнить смертью»¹.

Значительные реформы в сфере уголовного права произошли во времена правления Петра I. Артикул воинский 1715 г. Петра I устанавливал ответственность за ложную присягу (ст. 196), лжесвидетельство (ст. 198)². Ряд норм был направлен на защиту судебных служителей – должностных лиц и лиц, содействовавших им в осуществлении правосудия (гл. XXIII «О палаче и профосах»). Охрана жизни и здоровья других участников процесса (свидетелей, потерпевших и др.) предусматривалась общими нормами об этих преступлениях (гл. XVII–XVIII). В разной правовой охране безопасности субъектов судопроизводства виден дифференцированный подход в зависимости от правового статуса лица. По-прежнему приоритет в обеспечении безопасности распространялся непосредственно на лиц, вершивших правосудие.

С укреплением государственности и развитием судебной системы расширялись и совершенствовались нормы законодательных актов, преду-

¹ Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. Акты земских соборов. М., 1985. Т. 3. С. 113.

² Российское законодательство X – XX веков. Т. 6. С. 363.

сматривающие ответственность как за преступления самих судей и должностных лиц, непосредственно расследовавших дела о преступлениях, так и за посягательства на судебную систему со стороны участников уголовного процесса или других лиц.

В дореволюционной России статьи о преступлениях, посягающих на интересы правосудия, содержались также в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и в Уголовном уложении 1903 г., причем в последнем была выделена специальная глава 7 – «О противодействии правосудию». В этой главе устанавливались наказания соответствующих должностных лиц за непринятие мер по предупреждению или пресечению преступлений; за недонесение о совершенном или готовящемся преступлении; за незаконное задержание или лишение свободы; за незаконное производство обыска, осмотра или выемки, а также освидетельствования; за «небрежение вверенным ему надзором» за арестантом. Необходимо отметить главное, что статьи этой главы предусматривали уголовную ответственность за разглашение мер обеспечения правосудия; разглашение присяжным заседателем тайны совещания или голосования присяжных (ст. ст. 165, 172)¹.

В первых нормативных актах советской власти, устанавливавших основы уголовной ответственности, - «О подсудности революционных трибуналов» (1918 г.) и «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» (1919 г.) – относительно преступлений против правосудия не говорилось ничего, хотя, конечно, за разглашение любой информации по уголовному делу, в том числе и по защите участников уголовного процесса, можно было привлечь судью и ответственных должностных лиц к ответственности как за преступление по должности, так и противодействие революционному правосудию, которое нередко расценивалось как контрреволюционные действия.

В первом УК РСФСР 1922 г. не было самостоятельной главы о преступлениях против правосудия. Нормы о таких преступлениях содержались в разных главах. В разделе 1 «О контрреволюционных преступлениях» главы «Государственные преступления» устанавливалась ответственность за укрывательство контрреволюционных преступлений (ст. 68). В разделе 2 «О преступлениях против порядка управления» этой же главы закреплялась ответственность за недонесение о достоверно известных предстоящих и совершенных преступлениях (ст. 89); освобождение арестованного из-под стражи или из места заключения или содействие его побегу (ст. 94); побег арестованного из-под стражи или из места заключения, учиненный посредством подкупа, взлома и вообще повреждения затворов, стен и т. п. (ст. 95).

Такие виды преступлений против правосудия, как постановление судьями из корыстных или иных личных видов неправосудного приговора (ст. 111); незаконное задержание, незаконный привод, а также принуждение к даче показаний при допросе, заключение под стражу в качестве меры пресече-

¹ Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова. СПб., 2005. С. 45.

ния из личных либо корыстных видов (ст. 112); провокация взятки, т. е. заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки, в целях последующего изобличения дающего взятку (ст. 115); разглашение должностными лицами не подлежащих оглашению сведений (ст. 117), находились в главе «Должностные преступления».

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. также не имел специальной главы о преступлениях против правосудия. Рассматриваемые деяния содержались в основном в гл. II «Преступления против порядка управления» и гл. III «Должностные (служебные) преступления». К числу преступлений против правосудия относились: незаконное освобождение арестованного из-под стражи или из мест заключения или содействие его побегу (ст. 81); побег арестованного из-под стражи или места заключения, а равно возвращение в запрещенные для проживания места, побег с места обязательного поселения или с пути следования к нему (ст. 82); уклонение свидетеля от явки или отказ от дачи показаний, уклонение эксперта, переводчика или понятого от явки или отказ от исполнения обязанностей, а равно воспрепятствование явке к исполнению обязанностей народного заседателя (ст. 92); заведомо ложный донос, заведомо ложное показание (ст. 95); оглашение данных предварительного следствия, дознания или ревизионного обследования (ст. 96); постановление судьями из корыстных или иных личных видов неправосудного приговора, решения или определения (ст. 114); незаконное задержание или незаконный привод (ст. 115); разглашение, сообщение, передача или собирание в целях передачи должностным лицом сведений, не подлежащих оглашению (ст. 121).

Самостоятельная глава «Преступления против правосудия» появилась лишь в УК РСФСР 1960 г. С учетом сложившейся в стране криминальной, политической, экономической и социальной ситуации УК РСФСР 1960 г. по состоянию на 1 июля 1994 г. содержал 22 статьи, посвященные преступлениям против правосудия, в том числе и об уголовной ответственности за вмешательство в разрешение судебных дел; угрозу по отношению к судье, народному или присяжному заседателю; оскорбление судьи, народного или присяжного заседателя; разглашение данных предварительного следствия или дознания; воспрепятствование служебной деятельности прокурора, следователя или лица, производящего дознание и др.¹

Начавшаяся в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия реформа законодательства, реализация принципа разделения властей, необходимость обеспечения самостоятельности и незыблемости судебной власти потребовали применения специальных уголовно-правовых средств защиты представителей судебной власти, осуществляющих правосудие.

Закон СССР «Об ответственности за неуважение к суду» от 2 ноября 1989 г. установил уголовную ответственность за ряд посягательств против

¹ Уголовное право России. Практический курс / под общ. ред. А. И. Бастрыкина, А. В. Наумова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 68.

судьи, народного или присяжного заседателя¹. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 декабря 1989 г. дополнил УК РСФСР статьями 176.1, 176.2 и 176.3 об ответственности за вмешательство в разрешение судебных дел, угрозу по отношению к судье, народному или присяжному заседателю и за оскорбление судьи, народного или присяжного заседателя².

В последующие годы нормы главы о преступлениях против правосудия неоднократно подвергались изменениям. В основном изменения и дополнения касались необходимости обеспечить должную защиту лиц, непосредственно отправляющих правосудие. Кроме того, на нормах рассматриваемой главы отразились и происшедшие изменения в социально-экономических, идеологических и политических общественных отношениях. Так, например, была исключена ответственность за самовольное возвращение высланного в места, запрещенные для проживания (ст. 187 УК РСФСР), в связи с исключением из системы наказаний ссылки и высылки.

Сложившаяся в УК РСФСР 1960 г. система норм по существу была воспринята и дополнена законодателем в действующем ныне УК РФ 1996 г. Вместе с тем сопоставление уголовно-правовых запретов в УК РСФСР и УК РФ представляет значительный интерес, ибо отражает реакцию законодателя на происходящие в стране социально-экономические и политические изменения. Так, ст. 184.1 УК РСФСР 1960 г., предусматривающая ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, прокурора, следователя, судебного исполнителя, лица, производящего дознание, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, сотрудника федерального органа государственной охраны, в отношении народного заседателя и присяжного заседателя, а также в отношении их близких родственников и иных лиц, в УК РФ 1996 г. была представлена двумя нормами, а именно: ст. 311, предусматривающей ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, судебного пристава, судебного исполнителя, потерпевшего, свидетеля, других участников уголовного процесса, а равно в отношении их близких, и ст. 320, предусматривающей ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, а также его близких.

Уголовный кодекс РФ 1996 г. воспринял идею концентрации всех посягательств на интересы правосудия в единой главе, которая получила дальнейшее развитие. Впервые в Уголовном кодексе появилась группа правовых норм, предусматривающих ответственность за посягательство на жизнь, здоровье, честь и достоинство участников уголовного судопроизводства, и лиц, осуществляющих исполнение судебных решений (ст.ст. 295 – 298 УК РФ).

¹ Ведомости СССР. 1989. № 22. Ст. 419.

² ВВС РСФСР. 1989. № 50. Ст. 1473.

ГЛАВА III. СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ СВЕДЕНИЙ О МЕРАХ БЕЗОПАСНОСТИ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ СУДЬИ И УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

§ 3.1. Особенности объекта, предмета преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ, и круга потерпевших, в отношении которых могут применяться меры безопасности

Прежнее уголовное законодательство не содержало специальной ответственности за разглашение сведений о мерах безопасности в отношении лиц, подлежащих государственной защите.

Впервые в российском законодательстве ответственность за рассматриваемое деяние была введена Федеральным законом от 24 апреля 1995 г., который, как уже отмечалось выше, дополнил УК РСФСР 1960 г. ст. 184.1 «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа и их близких родственников». В соответствии с указанной статьей устанавливалась уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, прокурора, следователя, судебного исполнителя, лица, производящего дознание, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, сотрудника федерального органа государственной охраны в связи со служебной деятельностью либо в отношении народного заседателя и присяжного заседателя в связи с их участием в отправлении правосудия, а также в отношении их близких родственников и иных лиц, на жизнь и здоровье которых совершается посягательство с целью воспрепятствовать законной деятельности указанного должностного лица, если оно допущено лицом, которому указанные сведения были доверены или стали известны по службе или работе. Таким образом, специальная ответственность за рассматриваемое преступление введена в уголовное законодательство относительно недавно.

В теории уголовного права сложилась классификация объектов уголовно-правовой охраны в зависимости от степени обобщенности общественных отношений на общий, родовой и непосредственный объекты.

В основных чертах такое понимание объекта преступления до сих пор остается концептуальным в отечественной уголовно-правовой литературе, правда, в связи с принятием УК РФ 1996 г. в названную иерархию объектов уголовно-правовой охраны добавлен видовой объект преступления.

В специальной литературе подавляющее большинство авторов под объектом уголовно-правовой охраны понимают общественные отношения, которым преступлением причиняется вред или которые ставятся под угро-

зу причинения вреда¹. Такое классическое определение понятия объекта преступления являлось исходной позицией для выявления отличительных признаков и сущности самих общественных отношений и определения вида объекта преступления на уровне конкретного посягательства.

Такая концепция была положена и в основу представлений об объекте преступлений против правосудия. Анализ работ в этой области позволяет выделить три основные точки зрения в понимании объекта этих преступлений. Суть первой точки зрения сводится к тому, что правосудие представляет собой деятельность органов государственной власти – судов. Соответственно, нормы Уголовного кодекса, устанавливающие ответственность за преступления против правосудия, направлены исключительно на защиту только судопроизводства как основной деятельности суда. Так, рассматривая преступления против органов власти, правосудия и порядка управления, В. Д. Меньшагин определил их объект как правильную деятельность государственного аппарата².

В свою очередь, Г. Ф. Поленов и Л. Д. Рукавицын отмечают, что понятие анализируемого объекта довольно широкое, включает в себя не только деятельность государственного аппарата, но и деятельность любых его органов, как «конституционно или законодательно установленную либо разрешенную и охраняемую государством какую-либо деятельность»³.

Вторая точка зрения относительно понимания объекта преступлений против правосудия состоит в том, что объектом данных общественно опасных деяний является совокупность прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства. Изначально такое понимание данного объекта уголовно-правовой охраны было сформулировано П. И. Гришаевым. В настоящее время многие авторы придерживаются сходной позиции, говоря о преступлениях против правосудия как об общественно опасных деяниях, посягающих на официальный порядок функционирования государственных институтов (органов и учреждений)⁴.

Третья точка зрения определяет объект преступлений против правосудия как общественные отношения, возникающие в процессе «уголовно-процессуального (судебного) и уголовно-исполнительного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе и исполнении наказания»⁵.

¹ См., например: Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 10 – 12; Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 64; Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 61; Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 125 – 126 и др.

² Меньшагин В. Д. Иные преступления против порядка управления. М., 1945. С. 8.

³ Поленов Г. Ф. Ответственность за преступления против порядка управления: дис. ... д-ра юрид. наук. Алма-Ата, 1971. С. 25, 32; Правопорядок: социально-правовое понятие и содержание // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности. Калининград, 1955. С. 96.

⁴ Гришаев П. И. Уголовное право. Часть особенная. М., 1996. С. 433.

⁵ Красновский Г. Н. Преступления против правосудия // Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. Э. Жалинского. М., 2005. С. 984.

Л. В. Лобанова, например, обосновывает свою точку зрения тем, что объединение законодательных конструкций рассматриваемых посягательств в рамках одного структурного элемента Уголовного кодекса диктовалось главным образом качественным своеобразием нарушаемых ими [посягательствами] общественных отношений, центральное место среди которых принадлежит деятельности по отправлению правосудия¹.

Надо заметить, что все высказанные точки зрения относительно понимания объекта уголовно-правовой охраны преступлений против правосудия содержат в себе гораздо больше общего, нежели различного. Каждая из этих позиций характеризуется сильными сторонами и, безусловно, имеет право на существование. Недаром в работах последнего десятилетия авторы предпочитают давать «компаративное» определение объекта преступлений против правосудия, объединяющее основные точки зрения, имеющиеся в литературе и апробированные временем².

Изменения в области понимания объекта преступления связаны прежде всего с принятием Уголовного кодекса РФ 1996 г., в котором основными задачами являются охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ).

УК РФ 1996 г. в ст. 2 употребил понятие – «опасные для личности, общества или государства деяния». Это понятие означает, что предметом внимания законодателя должны быть именно опасные, то есть представляющие определенную угрозу для общества, его членов деяния.

С учетом этого в доктрине уголовного права обосновывается позиция, согласно которой объектом уголовно-правовой охраны могут быть не только общественные отношения в традиционном их понимании.

Так, А. В. Наумов весьма последовательно отстаивает точку зрения, согласно которой теория объекта преступления, исключительно как общественного отношения, «не срабатывает» в целом ряде случаев. По его мнению, в преступлениях против личности объектом преступных посягательств является не столько личность как совокупность общественных отношений, сколько личность человека в качестве абсолютной ценности.³ Для нас данное утверждение особенно важно, так как потерпевшим одного из исследуемого нами преступления является личность судьи и участника уголовного процесса.

¹ Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: проблемы классификации, регламентации и дифференциации ответственности: дис. ...доктора. юрид. наук. Казань, 2000. С. 41.

² Наумов А. В. Уголовное право: Курс лекций. Особенная часть. М., 2007. С. 527; Красновский Г. Н. Преступления против правосудия: Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. Э. Жалинского. М., 2005. С. 902 – 903.

³ См. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1996. С. 147–149; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрид лит., 2004. С. 49; Бастрыкин А. И., Наумов А. В. Уголовное право России. М.: Изд-во: Волтерс Клувер, 2007. С. 27, 56.

Переходя к интересующему нас составу преступления, предусмотренному ст. 311 УК РФ, следует отметить, что в литературе нет единой точки зрения по вопросу определения его основного и дополнительного непосредственного объекта преступления.

Так, В. В. Мальцев считает, что основным объектом рассматриваемых составов преступлений выступают надлежащие условия для отправления правосудия, выражающиеся в безопасности судьи, прокурора, следователя, судебного исполнителя, лица, производящего дознание, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, сотрудника федерального органа государственной охраны в связи с их служебной деятельностью, народного заседателя и присяжного заседателя в связи с их участием в отправлении правосудия, а также их близких родственников и иных лиц, на жизнь и здоровье которых совершено посягательство, с целью воспрепятствовать законной деятельности; дополнительным – жизнь, здоровье и имущество охраняемых лиц¹.

Представляется, что с точки зрения действующего материального уголовного права интересы осуществления предварительного расследования являются составной частью интересов правосудия как видового объекта уголовно-правовой охраны. Поэтому основным непосредственным объектом разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судей и участников уголовного процесса, являются охраняемые уголовным законом интересы осуществления законного правосудия по уголовным делам, то есть интересы обеспечения принятия законного, справедливого и обоснованного решения по уголовному делу, включающие в себя, в том числе интересы законного производства предварительного расследования по уголовным делам. Именно такое понимание интересов правосудия как объекта уголовно-правовой охраны позволяет говорить о том, что интерес обеспечения личной безопасности лиц, участвующих в отправлении правосудия или производстве предварительного расследования (т. е. лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве), существует не сам по себе, он неотрывно связан с интересами отправления правосудия в «широком» его понимании.

Преступление, предусмотренное ст. 311 УК РФ, имманентно посягает на интересы личной безопасности судей и участников уголовного процесса, а также их близких. Поэтому в литературе справедливо утверждение о том, что данное преступление имеет дополнительный непосредственный объект, а именно: интересы личной безопасности судей, других участников уголовного процесса, их близких². Прямое указание Уголовного закона на «безопасность» судей и участников уголовного процесса позволяет под

¹ Мальцев В. В. Уголовно-правовая охрана должностных лиц и граждан в связи со служебной или общественной деятельностью // Законность. 1996. № 1. С. 17 – 18.

² Ромодановский К. О. Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 22 – 23.

этим понимать состояние защищенности указанного круга лиц от любых потенциальных угроз, посягающих на их жизненно важные интересы.

Таким образом, основной состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 311 УК РФ, относится к сложным составам, где усложнен объект. Основной непосредственный объект определяется местом нахождения данной нормы в структуре Особенной части УК РФ. Таковым являются интересы правосудия. Соответственно, безопасность судей, других участников уголовного процесса и их близких выступает дополнительным непосредственным объектом данного состава преступления.

К обязательным признакам рассматриваемого состава относится предмет преступления в виде сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении перечисленных в статье участников уголовного процесса и их близких.

В соответствии с Правилами защиты сведений об осуществлении государственной защиты и предоставления таких сведений, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 705, к сведениям об осуществлении государственной защиты относятся связанные с реализацией решения об осуществлении государственной защиты путем применения мер безопасности или мер социальной поддержки согласно федеральным законам сведения:

- о защищаемом лице, содержащиеся в информационных системах, информационно-справочных системах и информационных ресурсах предприятий, организаций, учреждений, государственных органов, в том числе организаций, предоставляющих государственные услуги, а также обрабатываемые в результате осуществления мер безопасности;

- о наложении постоянного или временного запрета на выдачу сведений о защищаемом лице из информационно-справочных фондов, а также об изменении номеров его телефонов и государственных регистрационных знаков, используемых им или принадлежащих ему транспортных средств, содержащиеся в постановлении органа, осуществляющего меры безопасности, либо органа, обеспечивающего безопасность, или в выписке из него;

- о применении мер безопасности;

- о применении мер социальной поддержки (социальной защиты).

Основанием для защиты сведений об осуществлении государственной защиты является оформленное в виде мотивированного постановления (определения) решение:

- а) органа, принимающего решение об осуществлении государственной защиты, об осуществлении государственной защиты путем применения мер безопасности либо мер социальной поддержки;

- б) органа, обеспечивающего безопасность, о применении мер безопасности с указанием конкретных мер безопасности и сроков их осуществления (ст. 4 Правил).

С момента принятия указанного решения действия уполномоченного органа, связанные с его реализацией, осуществляются с учетом конфиденциального характера сведений.

Тем же постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 705 утверждены Правила осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице, которые определяют порядок осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице, если такие сведения законодательством Российской Федерации не отнесены к сведениям, составляющим государственную тайну.

Однако ранее Федеральным законом от 21.12.2013 № 377-ФЗ в Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 26.07.2017) «О государственной тайне» внесены изменения, согласно которым к сведениям, составляющим государственную тайну, относятся сведения о силах, средствах, об источниках, о методах, планах и результатах деятельности по обеспечению безопасности лиц, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты, данные о финансировании этой деятельности, если эти данные раскрывают перечисленные сведения, а также отдельные сведения об указанных лицах (п. 4 ст. 5 Закона).

Таким образом, наблюдается определенное противоречие между указанными документами, что не может не сказаться на качестве правоприменительной деятельности. Если исходить из Правил, то получается, что не все сведения в области обеспечения безопасности лиц, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты, могут быть отнесены к государственной тайне. Однако Закон РФ «О государственной тайне» не содержит каких-либо ограничений по отнесению сведений в области обеспечения безопасности лиц, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты, к государственной тайне. Поскольку закон имеет высшую юридическую силу по отношению к иным подзаконным актам, постольку следует руководствоваться в первую очередь законом.

Важным моментом для правильного применения ст. 311 УК РФ является определение круга потерпевших. Ни в законодательстве, ни в судебной практике до сих пор нет четкой определенности по вопросу о том, кто может выступать потерпевшим от данного преступления. Информация о мерах безопасности должна касаться именно участников уголовного процесса или их близких. В диспозиции ч. 1 ст. 311 УК РФ использован казуально-абстрактный способ перечисления таких лиц. Прямо говорится о судье, присяжном заседателе, ином лице, участвующем в отправлении правосудия, судебном приставе, судебном исполнителе, потерпевшем, свидетеле. В то же время нуждаются в толковании употребляемые в законе словосочетания – «иное лицо, участвующее в отправлении правосудия», а также «другие участники уголовного процесса», «близкие указанных лиц».

Лицо, отправляющее правосудие – это лицо, принимающее непосредственное участие в решении дела. В соответствии с УПК РФ – это судьи, присяжные заседатели. Ст. 8 УПК РФ гласит: «Правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом». Ст. 30 УПК уточняет, что рассмотрение уголовных дел по первой инстанции осуществляется судом коллегиально (судья федерального суда общей юрисдикции и коллегия из двенадцати присяжных заседателей; коллегия из трех судей федерального суда общей юрисдикции) или судьей единолично.

Согласно п. 30 ст. 5 УПК РФ присяжный заседатель – лицо, привлеченное в установленном настоящим Кодексом порядке для участия в судебном разбирательстве и вынесения вердикта.

Возникает вопрос: как толковать словосочетание – «иное лицо, участвующее в отправлении правосудия»? Указанный термин трактуется в научной литературе по-разному. Так, было предложено под этими лицами понимать народных заседателей¹. К лицам, участвующим в отправлении правосудия, относят общественных обвинителей и общественных защитников², общественных обвинителя и защитника, представителя организаций и трудовых коллективов³, народного и арбитражного заседателя⁴.

Иное лицо, участвующее в отправлении правосудия, в большинстве норм названо в одном ряду с судьями и присяжными заседателями. Из сказанного следует, что этим лицом может быть такое, которому по закону предоставлено право непосредственно рассматривать и разрешать дело по существу, т. е. осуществлять правосудие. В настоящее время таким лицом является только арбитражный заседатель.

Согласно Федеральному закону «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ⁵ арбитражные заседатели принимают участие в рассмотрении дела и принятии решения наравне с профессиональными судьями. При осуществлении правосудия они пользуются правами и несут обязанности судьи.

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. С.751 (автор комментария В. П. Малков). Деятельность народных заседателей в настоящее время отменена. Статья 30 УПК РФ устанавливала, что до 1 января 2004 г. уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях рассматриваются судьей федерального суда общей юрисдикции единолично, а при наличии ходатайства обвиняемого, заявленного до назначения судебного заседания, - коллегией в составе судьи и двух народных заседателей. При осуществлении правосудия народные заседатели пользовались всеми правами судьи, установленными УПК РФ, в соответствии с ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 18 декабря 2001 г. «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в ред. Федерального закона от 29 мая 2002 г. «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Уголовное право: Особенная часть / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. С. 623 (автор главы Т. В. Кондрашова).

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Бойко. С. 594.

⁴ Лобанова Л. В. Указ. соч. С. 215; Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2002. С. 512.

⁵ Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2288.

Арбитражными заседателями арбитражных судов субъектов РФ являются граждане РФ, наделенные в установленном законом порядке полномочиями по осуществлению правосудия при рассмотрении арбитражными судами субъектов РФ в первой инстанции подведомственных им дел, возникающих из гражданских правоотношений.

Арбитражные заседатели привлекаются к рассмотрению дел по ходатайству стороны в соответствии со ст.ст. 17 и 19 АПК РФ. Указанное ходатайство может быть заявлено до начала рассмотрения дела по существу.

Состав арбитражного суда для рассмотрения конкретного дела с участием арбитражных заседателей состоит из одного судьи и двух арбитражных заседателей. Судья является председательствующим в судебном заседании.

Под близкими в теории уголовного права и судебно-следственной практике традиционно понимаются как родственники, так и любые другие лица, судьба которых не безразлична соответствующим участникам уголовного процесса, должностным лицам правоохранительных и контролирурующих органов.

Согласно Федеральному закону «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» 2004 г. меры государственной защиты могут применяться в отношении близких родственников, родственников, а также близких лиц, противоправное посягательство на которых оказывается в целях воздействия на лиц, указанных в частях 1 и 2 настоящей статьи (п. 3. ст. 2 Закона). Аналогичное положение содержится и в Федеральном законе «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» 1995 г., где говорится, что «меры государственной защиты могут применяться также в отношении близких родственников, а в исключительных случаях – также иных лиц, на жизнь, здоровье и имущество которых совершается посягательство с целью воспрепятствовать законной деятельности судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, сотрудников органов государственной охраны, либо принудить их к изменению ее характера, либо из мести за указанную деятельность» (ст. 1 Закона). В частности, для обеспечения проведения судебного процесса с участием конкретных свидетелей могут быть приняты специальные меры безопасности не только к таким свидетелям, но и к невесте свидетеля, к другу и т.п.

Для правильного применения ст. 311 УК РФ необходимо точно толковать законодательное понятие «другие участники уголовного процесса».

В процессуальном законодательстве и литературе наряду с понятием «участник процесса» широко используется понятие «участник судопроизводства». Под судопроизводством понимается деятельность судов по рассмотрению и разрешению уголовных, гражданских и административных дел, а также деятельность иных субъектов, которые реализуют права и обязанности, вступают в процессуальные отношения с судом, органами прокуратуры,

предварительного следствия и дознания¹. Судопроизводство, таким образом, не только означает деятельность судов, но и охватывает действия иных лиц, вступающих в процессуальные отношения с судебными органами, а также деятельность государственных органов по раскрытию преступления, изобличению виновного, необходимые для осуществления правосудия.

Анализ норм УПК РФ (ст.ст. 1, 2 и др.), ГПК РФ (ст.ст. 1, 2, 38, 45 и т. д.) и АПК РФ (ст.ст. 1–3, 54 и др.) показывает, что термины «судопроизводство» и «процесс» имеют одинаковое значение, являясь синонимами. Следовательно, понятие «участник уголовного процесса» совпадает с понятием «участник уголовного судопроизводства».

Федеральный закон от 20 августа 2004 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» № 119-ФЗ, руководствуясь главами 5 – 8 УПК РФ, занял довольно широкую позицию по этому вопросу. В соответствии со ст. 2 данного закона к другим участникам уголовного судопроизводства помимо потерпевших и свидетелей относятся также частный обвинитель, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено, эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также участвующие в уголовном судопроизводстве педагог и психолог, гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя. Но и этот перечень не является исчерпывающим. Заслуживает внимания высказанное в литературе мнение об отнесении к участникам уголовного процесса также секретаря судебного заседания, ибо, как процессуальное лицо, оно обладает определенными правами и обязанностями (ст. ст. 62, 68 УПК РФ).

Меры безопасности могут применяться также в отношении лиц, которые, строго говоря, не входят в перечень участников уголовного процесса, указанный в главах 5 – 8 УПК РФ. К их числу вышеназванный Федеральный закон относит заявителя, очевидца или жертву преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления (ст. 2). В отношении этих лиц меры безопасности могут быть применены до возбуждения уголовного дела. Поскольку эти процессуальные моменты могут создать сложности при применении данной нормы, целесообразно перечень этих лиц включить в диспозицию ч. 1 ст. 311 УК РФ. По этому поводу справедливо высказался А. В. Бажанов. По его мнению, разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении указанных лиц, обладает не меньшей общественной опасностью, чем, например, в отношении судьи или судебного пристава. Поэтому в целях обеспечения равной уголовно-правовой охраны всех «защищаемых лиц»

¹ См.: Судостроительство и правоохранительные органы в Российской Федерации. М., 1996. С. 7.

необходимо включить в ст. 311 УК РФ указание на таких лиц, как заявитель, очевидец, жертва преступления, а также иных лиц, способствующих предупреждению преступления¹.

С учетом сказанного считаем, что по вопросу о том, кто может быть потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ, целесообразно отойти от практики указания примерного или исчерпывающего перечня этих лиц. Полагаем, что любое лицо, связанное с расследованием или рассмотрением уголовного дела в суде, если есть реальная угроза его жизни или здоровью, может быть взято под государственную защиту и, следовательно, в отношении этого лица могут быть приняты и осуществлены меры безопасности.

По кругу потерпевших происходит и разграничение рассматриваемых составов преступлений, предусмотренных статьями 311 и 320 УК РФ. Если в ст. 311 УК РФ под уголовно-правовую охрану поставлена деятельность только участников уголовного судопроизводства и их близких, то ст. 320 УК РФ направлена на охрану служебной деятельности должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов в целом, а также их близких, за исключением их деятельности, связанной с уголовным судопроизводством.

Большинство понятий, используемых в УК РФ при обозначении потерпевшего, раскрывается в нормах УПК РФ. В ст. 311 УК РФ, устанавливающей ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса, под последними следует понимать участников уголовного судопроизводства. Раздел II «Участники уголовного судопроизводства» УПК РФ полностью посвящен понятию и правовому положению каждого такого участника. Статьи 29 – 36 гл. 5 указанного раздела раскрывают правовой статус судьи, суда (например, ст. 29 раскрывает полномочия суда, ст. 30 – состав суда). В ст. 311 УК РФ из участников уголовного процесса (судопроизводства) конкретно перечислены, помимо судьи, присяжный заседатель, иное лицо, участвующее в отправлении правосудия, судебный пристав, судебный исполнитель, потерпевший, свидетель и их близкие. Понятия судебного пристава, судебного исполнителя, потерпевшего рассмотрены соответственно в ст.ст. 40, 42 гл. 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» УПК РФ. Ст. 56 гл. 8 «Иные участники уголовного судопроизводства» УПК РФ раскрывает понятие «свидетель».

Так, если прокурор поддерживает обвинение по конкретному уголовному делу и в связи с этим возникает угроза его жизни и здоровью, то он относится к кругу потерпевших, в отношении которых действует ст. 311 УК РФ. Если же прокурор участвует в гражданском деле либо осуществ-

¹ Об этом уже писалось в литературе. См.: Бажанов А. В. Уголовно-правовая охрана «защищаемых лиц». Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Пятой Международной научно-практической конференции. 24 –25 января 2008 г. М.: Проспект, 2008. С. 424.

ляет общенадзорную деятельность, то разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых к этому должностному лицу, должно влечь ответственность по ст. 320 УК РФ. Сходную точку зрения по этому вопросу занимает М. И. Лонгвинов¹.

Равным образом, если сотрудник органов полиции рассматривает дело об административном правонарушении и т. п., то разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых к этому должностному лицу, должно влечь ответственность за преступление против порядка управления, предусмотренное ст. 320 УК РФ.

К числу потерпевших, перечисленных в ст. 311 УК РФ, отнесен судебный пристав. Согласно ст. 40 УПК РФ к органам дознания отнесены: Главный судебный пристав РФ, Главный военный судебный пристав, Главный судебный пристав субъекта РФ, их заместители, старший судебный пристав, старший военный судебный пристав, старшие судебные приставы Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. Как следует решать вопрос о квалификации деяний, связанных с разглашением сведений о мерах безопасности, принимаемых относительно судебного пристава? По-видимому, этот вопрос может быть разрешен в зависимости от правового положения судебного пристава. Если разглашение сведений связано с выполнением судебным приставом полномочий как участника уголовного процесса (к примеру, в связи с выполнением полномочий лица, осуществляющего дознание, либо по исполнению вынесенного судебного акта и т. п.), то это деяние следует квалифицировать по ст. 311 УК РФ.

Когда подобные действия совершаются в отношении судебного пристава, являющегося участником гражданского, арбитражного, конституционного судопроизводства, то ответственность виновного должна наступать как за преступление против порядка управления в соответствии со ст. 320 УК РФ.

Участниками судебного разбирательства по гражданским делам являются лица, участвующие в деле (ст. 34 ГПК РФ). К участникам арбитражного судебного разбирательства относятся лица, участвующие в деле (ст. 40 АПК РФ), а также их представители и содействующие осуществлению правосудия лица – эксперты, свидетели, переводчики, помощник судьи и секретарь судебного заседания (ст. 54 АПК РФ). Соответствующие статьи УПК РФ, АПК РФ, ГПК РФ, другие федеральные законы РФ раскрывают понятие и правовой статус указанных лиц.

Вместе с тем надо иметь в виду, что уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 311 УК РФ, направлена на обеспечение безопасности только лиц, являющихся участниками уголовного процесса, а также их близких. Безопасность участников иных видов судопроизводства, как-то: граждан-

¹ Лонгвинов М. И. Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2009. С. 20.

ского, арбитражного, административного, находится вне сферы действия указанной нормы. Невключение в число объектов охраны рассматриваемой нормы отношений в связи с гражданским, арбитражным и административным судопроизводством справедливо подвергается учеными критике¹.

Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ не содержит каких-либо ограничений по осуществлению мер безопасности участников процесса в зависимости от вида судебного разбирательства. В свете сказанного убедительны предложения по расширению круга отношений, составляющих объект уголовно-правовой охраны этой нормы, путем включения в него и отношений, обеспечивающих безопасность участников гражданского и арбитражного процессов.

Таким образом, состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 311 УК РФ, относится к сложным составам, где усложнен объект. Основной непосредственный объект определяется местом нахождения данной нормы в структуре Особенной части УК РФ. Таковым являются интересы правосудия. Соответственно, безопасность судей, других участников уголовного процесса и их близких выступает дополнительным непосредственным объектом рассматриваемого состава преступления.

Важным моментом для правильного применения ст. 311 УК РФ является определение круга потерпевших. Ни в законодательстве, ни в судебной практике до сих пор нет четкой определенности по вопросу о том, кто может выступать потерпевшим от данного преступления. Решение проблемы видится в том, чтобы отойти от практики указания примерного или исчерпывающего перечня этих лиц. Полагаем, что любое лицо (даже обвиняемый, если он помогает следствию или суду), связанное с расследованием или рассмотрением уголовного дела в суде, если есть реальная угроза его жизни, здоровью либо жилищу, может быть взято под государственную защиту и, следовательно, в отношении этого лица могут быть приняты меры безопасности.

Хотя Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ не содержит каких-либо ограничений по осуществлению мер, принятых для обеспечения безопасности участников всех форм судопроизводства (согласно ст. 2 Закона государственной защите подлежат судьи всех судов общей юрисдикции и арбитражных судов, арбитражные заседатели, присяжные заседатели), однако на деле безопасность участников гражданского и арбитражного судопроизводства находится вне сферы действия ст. 311 УК РФ, поскольку в ней речь идет об обеспечении безопасности лишь участников уголовного процесса. Полагаем, что этот вопрос должен быть решен на законодательном уровне путем установления уголовной ответственности за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников иных форм судопроизводства.

¹ Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. С. 234.

§ 3.2. Особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ

Объективная сторона любого состава преступления представляет собой элемент, который характеризует внешнюю сторону общественно опасного деяния, его проявление вовне. Говоря иными словами, объективная сторона преступления есть «процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата»¹.

Объективная сторона состава преступления законодателем может конструироваться двояко. В одних случаях объективную сторону состава преступления характеризует только общественно опасное деяние в форме действия или бездействия. В других – для наличия объективной стороны, помимо деяния, необходимо наличие общественно опасных последствий и причинной связи между ними.

Те составы преступлений, объективную сторону которых образует только общественно опасное действие или бездействие, вне зависимости от наступивших последствий, в теории уголовного права принято называть формальными составами преступлений.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ, заключается в разглашении сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, присяжного заседателя, судебного пристава, потерпевшего, свидетеля, других участников уголовного процесса или их близких.

Разглашение конфиденциальной информации чаще всего происходит в форме действия: в устной беседе, путем передачи документов, демонстрации аудио- или видеозаписи, сообщения в печати, иных средствах массовой информации, по телефонному звонку, по электронной почте и т. д. Сведения о мерах безопасности могут быть разглашены и путем бездействия: например, при небрежном хранении или нарушении правил хранения документов, содержащих сведения о мерах безопасности. Следовательно, состав преступления, предусмотренный ст. 311 УК РФ, по конструкции – формальный. Преступление признается оконченным с момента доведения информации о мерах безопасности, применяемых в отношении защищаемых лиц, до сведения хотя бы одного постороннего лица. Посторонним считается любое лицо, не имеющее допуск к информации о соответствующих мерах безопасности, применяемых в отношении защищаемых лиц (к ним относятся, в том числе сослуживцы виновного, его родственники и др.). При этом важно, чтобы такое лицо понимало смысл полученной им информации. Если указанное лицо не понимает разглашаемую информа-

¹ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 9.

цию, речь идет о покушении на совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и ст. 311 УК РФ.

Не имеет значения, использовало ли лицо, которому стало известно об указанных мерах безопасности, эти сведения вопреки интересам правосудия или нет. Важно, что подобное разглашение создавало для этого реальную угрозу.

В таком конструировании основного состава рассматриваемого преступления кроется принципиально важный смысл – сам факт разглашения сведений о мерах безопасности создает угрозу охраняемым законом интересам. Сказанное подтверждает ранее сделанный вывод о социальной и правовой обусловленности криминализации деяний, предусмотренных ст. 311 УК РФ.

В процессе разглашения сведений участвуют две стороны (два и более человека): одна оглашает эти сведения, а другая – воспринимает их, то есть распространение можно представить как передачу-прием информации, причем оба этих действия осуществляют два различных субъекта. Разглашение сведений о мерах безопасности считается окончанным деянием при восприятии этой информации хотя бы одним посторонним лицом.

Деяние в виде разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса, возможно совершить только в период действия указанных мер, поскольку меры безопасности осуществляются в отношении защищаемого лица, как правило, в течение определенного временного периода. Если этот срок истек и не продлен далее соответствующими органами, то сведения теряют свой конфиденциальный характер и, следовательно, данное деяние уже не может признаваться преступлением. Длительность срока применения меры безопасности исчисляется в каждом конкретном случае, но примененная такая мера должна считаться (с точки зрения возможности преступного разглашения) при принятии решения компетентным органом об осуществлении государственной защиты путем применения мер безопасности.

Меры безопасности, применяемые в отношении судьи и участников уголовного процесса, разнообразны. В соответствии со ст. 3 Федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 20.04.1995 обеспечение государственной защиты состоит из:

1) применения уполномоченными на то государственными органами мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья указанных лиц, а также обеспечения сохранности их имущества;

2) применения мер правовой защиты, предусматривающих в том числе повышенную уголовную ответственность за посягательство на их жизнь, здоровье и имущество;

3) осуществления мер социальной защиты, предусматривающих реализацию установленного федеральным законодательством права на материальную компенсацию в случае их гибели (смерти), причинения им те-

лесных повреждений или иного вреда их здоровью, уничтожения или повреждения их имущества в связи с их служебной деятельностью.

Для обеспечения защиты жизни и здоровья защищаемых лиц и сохранности их имущества органами, обеспечивающими безопасность, могут применяться с учетом конкретных обстоятельств следующие меры безопасности:

- 1) личная охрана, охрана жилища и имущества;
- 2) выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности;
- 3) временное помещение в безопасное место;
- 4) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах;
- 5) перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы;
- 6) переселение на другое место жительства;
- 7) замена документов, изменение внешности (ст. 5 ФЗ от 20 апреля 1995 г. «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»; ст. 6 ФЗ от 20 августа 2004 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»).

Анализ Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ, на наш взгляд, позволяет определить временные границы действия этих мер.

Началом их применения будет считаться момент: а) до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления, а также близких родственников, родственников и близких лиц, противоправное посягательство на которых оказывается в целях воздействия на лиц, указанных в частях 1 и 2 статьи 3 Федерального закона Российской Федерации от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»; б) в период возбуждения уголовного дела.

Момент окончания будет зависеть от конкретно применяемой меры (совокупности мер) безопасности в отношении защищаемого лица. Если эта мера связана, например, с личной охраной, охраной жилища и имущества, то она прекращается в любое время, если в ней отпала необходимость. Если она связана с заменой документов, переселением на другое место жительства, изменением внешности, её (меру) возможно вовсе не отменять, в том смысле, что новые документы, место жительства и внешность могут оставаться видоизмененными неопределенное время.

Основанием для осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице является решение органа, осуществляющего меры безопасности (органа, обеспечивающего безопасность), оформленное в виде мотивированного постановления.

Хотя УК РФ прямо не говорит о том, что разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении защищаемого лица, должно

быть «незаконным», полагаем, что в силу федерального законодательства именно «незаконность» их разглашения является одной из составных частей, их характеризующих. Незаконность разглашения сведений о мерах безопасности имеет место, если: а) отсутствует согласие самого защищаемого лица на предание таких сведений огласке; б) отсутствует санкция (приказ) уполномоченного лица на нарушение конфиденциального характера сведений о мерах безопасности; в) отсутствует ситуация крайней необходимости, при которой разглашение сведений о мерах безопасности перестает считаться преступным для сохранения более значимой общественной ценности.

Разглашение сведений о мерах безопасности предполагает их предание огласке, в результате чего они становятся достоянием постороннего лица. Поэтому в специальной литературе справедливо указывается на то, что разглашение информации, сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса, может быть совершено, как правило, в форме активного действия¹. К сожалению, исследователи не всегда поясняют, что вкладывают в это понятие. Мы полагаем, что разглашение сведений о мерах безопасности может выражаться в умышленном совершении деяний, выводящих ее (информацию о мерах безопасности) из установленного «режима оборота»². Сюда следует относить: а) предание огласке в устной форме (беседа, доверительный разговор, доклад, сообщение в присутствии одного человека или нескольких лиц, разговор по телефону, демонстрация документов, материалов или иных носителей мер безопасности, применяемых к судье и участникам уголовного процесса); б) письменную форму (переписка, обмен документами, использование сведений в любых письменных или печатных документах, завуалированная письменная форма, при которой субъект, владеющий информацией, предоставляет возможность ознакомления с конфиденциальной информацией, содержащейся на письменных носителях, без выхода ее из распоряжения этого субъекта, третьим лицам); в) публичную форму разглашения (выступление по радио или на телевидении, доклад, сообщение в присутствии двух или более третьих лиц); г) умышленное оставление носителей конфиденциальной информации в таком положении, когда посторонние имеют возможность ознакомиться с ней либо воспользоваться ею. При этом перечисленные случаи необходимо отграничивать от пассивной формы разглашения информации и нарушения правил обращения с такой информацией, когда деяние совершается по неосторожности.

Вопрос о возможности разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса, должно-

¹ Бродская И. Конфиденциальные сведения. Способы пользования: правовой смысл понятия «разглашения» // Законодательство и практика масс-медиа. 1999. № 7 – 8; Денисов С. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: СПб., 2002. С. 37; Тепляшин П. В. Вопросы квалификации воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования // Сибирский Юридический Вестник. 2004. № 2. С. 113.

² Дворников А. А. Уголовно-правовая охрана государственной и служебной тайны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. С. 16.

стного лица правоохранительного или контролирующего органа путем бездействия на сегодняшний день остается дискуссионным в уголовном праве.

Можно выделить три позиции по данному вопросу: первая согласуется с традиционной точкой зрения понимания преступного бездействия, которое выражается в пассивном поведении, в невыполнении тех действий, которые лицо должно было совершить¹. Сторонники другой точки зрения утверждают, что не всякое бездействие, влекущее уголовную ответственность, обязательно должно быть осознанным поведением². Следует заметить, что такое утверждение противоречит общим положениям теории уголовного права о сознательно-волевом деянии и принципу субъективного вменения. Сторонники третьей точки зрения полагают, что бездействие как форма общественно опасного деяния вовсе отсутствует и его не нужно рассматривать в рамках теории уголовного права и Уголовного закона³.

Мы придерживаемся традиционного взгляда обоснования уголовной ответственности при бездействии. Можно, конечно, согласиться с тем, что волевой характер бездействия выражается в задержке движения, в торможении общественно необходимой деятельности⁴. В то же время волевые усилия, направленные на удержание себя от совершения положительных действий, не ограничиваются только интеллектуально-волевой сферой человека, а неизбежно проявляются вовне – в окружающем мире. Следовательно, при совершении преступления отсутствие со стороны субъекта признаков одного поведения есть присутствие признаков другого поведения. Поэтому те действия (или собственно бездействие), которые лицо предпринимает в момент необходимости исполнения возложенной на него обязанности и взамен обязательных действий, и составляют поведение субъекта – внешнее проявление уголовно-правового бездействия, его фактическую сторону поведения.

Факт несовершения лицом обязательных активных действий составляет юридическую сторону преступного бездействия, характеризуя его социально-правовую сущность как общественно опасное и противоправное поведение. В этой связи следует согласиться с мнением А. В. Наумова, что «пассивная форма поведения», употребляемая в литературе по отношению к бездействию, является не физической его характеристикой, а социальной. «В физическом смысле лицо может вести себя очень активно, но если оно при этом не выполнило определенной обязанности, нарушив уголовно-правовой запрет, налицо уголовно-правовое бездействие»⁵.

¹ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 87; Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1977. С. 53 – 59.; Красиков Ю. А., Алакаев А. М. Понятие преступления. Множественность преступлений. Лекции 2 – 3. М., 1996. С. 23; Ковалев М. И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991. С. 38; Шарапов Р. Д. К вопросу о бездействии в уголовном праве // Правоведение. 1998. № 3. С. 98 – 102 и др.

² См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2-х томах. Т. 2. М., 1989. С. 182.

³ См.: Парфенов А.Ф. Общее учение об объективной стороне преступления: дис. ... канд. юрид. наук.: СПб., 2004. С. 63 – 67; Бойко А. И. Преступное бездействие. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 39 – 42.

⁴ См.: Тимейко Г.В. Указ. раб. С. 31 – 32.

⁵ Наумов В. А. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 161.

Исходя из сказанного можно сделать вывод о том, что уголовная ответственность за совершение бездействия может быть возложена на субъекта, если: а) он должен был выполнить конкретные обязанности или контролировать их выполнение другими людьми; б) данная обязанность была выполнима в конкретных условиях, т. е. существовала реальная возможность её исполнить, в) однако он (субъект) не выполняет возложенные на него обязанности.

Применительно к рассматриваемому нами составу преступления мы можем предположить, что разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса, может быть совершено как путем действия, так и бездействия.

Нельзя согласиться с утверждением В. С. Комиссарова о том, что разглашение – это сообщение сведений, которые должны быть сохранены в тайне, хотя бы одному постороннему человеку, «заинтересованному в их получении»¹, так как Уголовный закон в ст. 311 УК РФ не предусматривает подобной «заинтересованности». Она (заинтересованность) может лишь предполагаться в связи с тем, что сам факт разглашения сведений о мерах безопасности создает потенциальную угрозу в отношении защищаемых лиц. «Незаинтересованное» лицо, ставшее обладателем такой информации, каким-либо из ранее перечисленных способов может сообщить эти сведения «заинтересованному» лицу со всеми вытекающими последствиями.

На наш взгляд, более точной является точка зрения А. Р. Саруханяна, который утверждает, что адресатом разглашения сведений о мерах безопасности может быть любое постороннее лицо, в том числе не имеющее никакого отношения к деятельности по обеспечению безопасности указанных в Уголовном законе лиц².

В теории и судебной практике наиболее устоявшимся является мнение, согласно которому разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса, должно считаться окончательным преступлением при восприятии этой информации хотя бы одним посторонним лицом³. Посторонним считается любое лицо, не допущенное к информации о соответствующих мерах государственной безопасности (к ним относятся, в том числе сослуживцы виновного, родственники и др.).

Однако нельзя исключать и наличие неоконченного преступления в случаях, когда существует только передача (оглашение) информации, а ее восприятия не происходит в силу каких-либо причин, не зависящих от воли виновного: отсутствие лица, которому передается сообщение; «перехват» письменного сообщения; вирусное блокирование работы электронных систем и средств связи и т. д. В этом случае содеянное должно быть квалифицировано как покушение на разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного про-

¹ Курс уголовного права. Т. 5. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 232.

² Саруханян А. Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь, 2003. С. 68 – 69.

³ Уголовное право России (Особенная часть, учебник) / под ред. О. Г. Ковалева. М., 2007. С. 987; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: курс лекций / под ред. А. И. Рапога. М., 2007. С. 304.

цесса, в силу того, что виновное лицо со своей стороны предприняло все необходимые действия по доведению конфиденциальной информации о мерах безопасности до постороннего лица, осознавая общественную опасность и фактический характер своего поведения, но в силу не зависящих от него обстоятельств такая информация не стала известна третьему лицу. О покушении на совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и ст. 311 УК РФ, речь идет и в тех случаях, когда лицо, которому передаются сведения, не понимает значимость разглашаемой информации.

Состав преступления, предусмотренный ст. 311 УК РФ, по конструкции формальный. Преступление признается оконченным с момента доведения информации о мерах безопасности, применяемых в отношении защищаемых лиц, до сведения хотя бы одного постороннего лица. Посторонним считается любое лицо, не имеющее допуск к информации о соответствующих мерах безопасности, применяемых в отношении защищаемых лиц (к ним относятся, в том числе сослуживцы виновного, его родственники и др.).

§ 3.3. Особенности субъекта и субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ

Субъекту преступления как элементу состава преступления в российском уголовном праве уделяется значительное внимание. Понятие субъекта преступления предполагает выяснение широкого круга вопросов, включающих, с одной стороны, установление правовых признаков, характеризующих субъекта преступления в уголовном праве, и, с другой стороны, раскрытие социально-политического, морального облика преступника. Оба эти аспекта имеют важное теоретическое значение. Соответственно, признаки и свойства субъекта преступления условно можно подразделить на две группы: криминологические свойства и признаки уголовно-правового характера.

С уголовно-правовой точки зрения субъект преступления – это лицо, совершившее преступление и обладающее указанными в Уголовном законе признаками (свойствами)¹.

Для того чтобы признать лицо субъектом преступления, необходимо установить, что именно это лицо совершило преступление. Лицо считается совершившим преступление, если оно лично, собственными силами (в том числе с использованием сил природы, домашних и диких животных, технических механизмов и т. п.) осуществило общественно опасные действия (бездействие), образующие состав определенного вида преступления.

Для того чтобы лицо было признано субъектом преступления, оно должно обладать определенными свойствами. Эти свойства отражены в уголовном законодательстве в качестве признаков состава, характеризующих субъекта преступления. Для осуществления уголовно-правовой ква-

¹ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 180 – 186.

лификации общественно опасного деяния установление этих признаков является обязательным.

Субъектом преступления в отечественном уголовном праве может быть только физическое лицо – человек. Совершенное от имени юридического лица то или иное преступление не делает его субъектом преступления. Юридическое лицо не может нести уголовную ответственность за совершенное деяние. Субъектом преступления и здесь остаются те физические лица, которые его фактически совершили. Таким образом, российское уголовное право продолжает исходить из классического принципа личной ответственности виновного в совершении преступления. Уголовный закон называет два признака общего субъекта преступления как физического лица: его возраст и вменяемость.

Каждое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, считается осознающим фактический характер своих действий и руководящим ими, пока не доказано обратное. Таким образом, в уголовном праве действует презумпция вменяемости, в силу которой лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, считается вменяемым, пока не доказано обратное¹.

Кроме того, о презюмированной вменяемости говорят Международные стандарты ООН в области защиты прав человека, имеющие юридическую силу для России. В частности, ст. 1 «Всеобщей декларации прав человека», принятой 10 декабря 1948 г., устанавливает, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью...».

В соответствии с доктриной отечественного уголовного права, в случае, когда в статье Особенной части УК РФ оговорены иные признаки субъекта, он является специальным. Говоря иными словами, специальным субъектом преступления выступает лицо, которое, кроме необходимых признаков субъекта (вменяемость и достижение определенного возраста), должно обладать еще дополнительными признаками, ограничивающими возможность привлечения других лиц к уголовной ответственности за совершение конкретного преступления².

При установлении специального субъекта важное значение имеют положения, содержащиеся в ведомственных нормативных актах: уставах, инструкциях и приказах, которые определяют служебные полномочия тех или иных работников учреждений, организаций, предприятий.

Рассмотрим этот вопрос применительно к исследуемому нами составу преступления. В качестве субъекта преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ, закон подразумевает две категории лиц: 1) лица, которым сведения о мерах безопасности в отношении участников уголовного процесса, а равно их близких были доверены; 2) лица, которым сведения подобного

¹Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Практический курс уголовного права России. Ставрополь, 2001. С. 60.

² Устименко В. В. Специальный субъект преступления. Харьков, 1989. С. 8.

рода стали известны в связи с их служебной деятельностью, достигшие к моменту совершения данного преступления 16 - летнего возраста.

По смыслу закона (ст. 19 Федерального закона Российской Федерации от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ РФ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», ст. 3 Федерального закона Российской Федерации от 20 августа 2004 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства») ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности возлагается на должностных лиц, принимающих решение об осуществлении государственной защиты, а также должностных лиц, осуществляющих меры безопасности. В этом вопросе нет особых разногласий ни среди теоретиков, ни среди практиков.

Однако субъектом рассматриваемого преступления может быть и лицо, которому эти сведения были доверены. Это положение толкуется в литературе неоднозначно. К таковым могут относиться, в первую очередь, – само защищаемое лицо или его близкие, которые далеко не всегда являются должностными лицами. Такую позицию, в частности, занимают Л. В. Иногамова-Хегай, М. И. Логвинов. Полагаем, что эта позиция заслуживает серьезного внимания.

Субъективная сторона преступления представляет собой всю психическую деятельность, которая сопровождает совершение преступления и в которой волевые, интеллектуальные и эмоциональные моменты выступают в полном единстве и взаимообусловленности¹.

Общеизвестно, что основным признаком субъективной стороны преступления является вина. В соответствии с ч. 1 ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

Вина – это психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности.

В специальной литературе неоднозначно решается вопрос об определении субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ.

Общепризнано, что с субъективной стороны данное преступление характеризуется умышленной формой вины. Вместе с тем все чаще в литературе обосновывается возможность совершения указанного преступления по неосторожности. Причем и сторонники, и противники признания неосторожной формы в данном составе преступления используют один и тот же аргумент. В качестве такого аргумента делается ссылка на одну и ту же статью – ч. 2 ст. 24 УК РФ.

Так, М. И. Логвинов считает, что данное преступление может быть совершено как с прямым, так и косвенным умыслом, поскольку в силу ч. 2 ст. 24 УК РФ преступлением признается совершенное только по неосторожно-

¹ Нуркаева Т. Н. Субъективная сторона преступления: лекция. Уфа: УЮИ МВД РФ, 1999. С. 4.

сти деяние, если это специально предусмотрено в соответствующей статье Особенной части УК РФ. В ст. 311 УК РФ такое указание отсутствует.

В свою очередь, Л. В. Иногамова-Хегай, обосновывая противоположную точку зрения, также ссылается на ч. 2 ст. 24 УК РФ. По ее мнению, в ст. 311 УК РФ нет указания на конкретную форму вины. Исходя из содержания ч. 2 ст. 24 УК РФ, следует прийти к выводу о том, что это преступление может совершаться как умышленно, так и по неосторожности (в частности, преступной небрежности). При этом в качестве примера приводится обсуждение вопроса о применении мер безопасности в отношении свидетеля при незакрытых дверях кабинета следователя¹.

На наш взгляд, более точную позицию в этом вопросе занимают А. С. Горелик и Л. В. Лобанова. Рассуждая о возможности совершения данного преступления по неосторожности, они справедливо приходят к выводу, что основной состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 311 УК РФ, характеризуется лишь умышленной формой вины. Применительно же к квалифицированному составу (ч. 2 ст. 311 УК РФ) эти авторы допускают возможность неосторожной формы вины².

Полагаем, что действия, совершенные по неосторожности (тем более по преступной небрежности), в отрыве от последствий не достигают степени общественной опасности, присущей преступлению. Неосторожная форма вины характерна лишь для материальных составов преступлений - по отношению к наступившим в результате деяния (действия или бездействия) общественно опасным последствиям (ст. 26 УК РФ).

Между тем основной состав рассматриваемого преступления сконструирован как формальный. Это означает, что он считается оконченным в момент, когда сведения о мерах безопасности стали известны хотя бы одному постороннему лицу. Последствия находятся за пределами состава. Следовательно, общественная опасность данного преступления заключается в характере совершаемых действий и форме вины.

Действующий Уголовный закон не содержит ни одного формального состава преступления, субъективная сторона которого характеризовалась бы виной в форме неосторожности. Поэтому, с нашей точки зрения, правы те авторы, которые связывают субъективную сторону данного состава преступления только с умышленной формой вины³.

Что же касается приведенного выше примера, то здесь скорее налицо косвенный умысел, чем неосторожность. Лицо, имеющее допуск к служебной тайне, обсуждая вопрос о применении мер безопасности к конкретному лицу при незакрытых дверях, не может не понимать возмож-

¹ Преступления против правосудия. М.: Норма, 2005. С. 276. Аналогичного мнения придерживаются авторы учебно-практического пособия. См.: Голубов И. И., Гулый А. А., Кужиков В. Н. Уголовная ответственность за преступления против правосудия: учеб.-практ. пособие. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. С. 40.

² См.: Горелик А. С., Лобанова Л. В. Указ. раб. С. 131 – 132.

³ Бажанов А. В. Уголовно-правовая охрана «защищаемых лиц». Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Пятой Международной научно-практической конференции. 24 – 25 января 2008 г. М.: Проспект, 2008. С. 424. Аналогичного мнения придерживаются авторы учебно-практического пособия. См.: Голубов И. И., Гулый А. А., Кужиков В. Н. Указ. раб. С. 40.

ность утечки конфиденциальной информации и наступления общественно опасных последствий, однако относится к этому безразлично. Чтобы снять подобные проблемы, предлагаем по опыту УК Республики Беларусь (ст. 408) указать в законе на умышленный характер совершаемых действий.

Другой вопрос: «Какая разновидность умысла может иметь место при совершении данного преступления?» Единодушно признавая прямой умысел на совершение рассматриваемого деяния, в ряде случаев авторы допускают возможность его совершения с косвенным умыслом¹.

Обратимся к уголовному законодательству. В силу ст. 25 УК РФ, при совершении преступления с прямым умыслом лицо сознает общественно опасный характер своего деяния, предвидит неизбежность или реальную возможность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления. Интеллектуальный момент прямого умысла характеризуется, прежде всего, сознанием общественно опасного характера, совершаемого виновным деяния, предвидением лицом неизбежности, или реальной возможности (вероятности) наступления общественно опасных последствий. Волевой момент прямого умысла у лица характеризуется желанием наступления тех последствий, которые охватывались его предвидением.

При косвенном умысле лицо, совершая преступление, осознает общественно опасный характер совершенного деяния, предвидит возможность (вероятность) наступления его общественно опасных последствий и, хотя и не желает, но сознательно допускает их наступление. Косвенный умысел отличается от прямого как по интеллектуальному, так и по волевому моменту. Интеллектуальный момент косвенного умысла в части сознания общественно опасного характера деяния аналогичен прямому умыслу. Отличия имеются в характере предвидения общественно опасных последствий: интеллектуальный момент прямого умысла включает предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий, что исключено в косвенном умысле.

Основное отличие между прямым и косвенным умыслом заключается в волевом моменте, характеризующем направленность воли человека. Волевой момент косвенного умысла характеризуется сознательным допущением виновным наступления общественно опасных последствий совершенного деяния.

Но в ст. 25 УК РФ определены виды умысла применительно к преступлениям с материальными составами: интеллектуальный и волевой моменты законодательно определенных видов умысла устанавливаются в зависимости от наличия предполагаемых или наступивших последствий.

Однако основной состав разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, участников уголовного процесса, по конструкции является формальным: его объективная сторона предполагает совершение виновным определенного деяния, вне зависимости от наступления или ненаступления каких-либо последствий.

¹ Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселова. 4-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2008. С. 853.

Существует мнение, что в преступлениях с формальными составами допускается только прямой умысел, причем его интеллектуальный момент заключается в осознании лицом фактического характера своего общественно опасного деяния, а волевой – в желании его совершения¹. Так, Ю. А. Кондратьев отмечает, что «общеизвестна возможность только прямого умысла в формальных составах преступления»². Сам факт допущения косвенного умысла по отношению к деянию противоречит презумпции виновности, ибо невозможно допущение виновным собственного действия, возможно только желание совершения такового.

Думается, что применительно к исследуемому нами составу разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса, в определенных случаях допустим и косвенный умысел. В частности, следователь, имеющий допуск к служебной тайне, обсуждая вопрос о применении мер безопасности к конкретному лицу при незакрытых дверях, не может не понимать возможность утечки конфиденциальной информации и наступления общественно опасных последствий, однако относится к этому безразлично.

Итак, субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ, может выражаться как в прямом, так и косвенном умысле виновного. При этом виновный осознает общественную опасность и фактический характер деяния – разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, участника уголовного процесса либо их близких и желает совершения этого деяния или сознательно его допускает.

Несколько иначе обстоит дело в составе преступления, предусмотренного ст. 320 УК РФ. Субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 320 УК РФ, имеет некоторые особенности. Аналогично ст. 311 УК РФ она характеризуется лишь умыслом, причем только прямым. Виновный осознает, что сообщает сведения о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, посторонним лицам или совершает действия, в результате которых эти сведения могут стать достоянием посторонних лиц, и желает этого. На это указывает специальная цель преступления – воспрепятствовать служебной деятельности должностного лица правоохранительного или контролирующего органа.

Исследованию цели совершения преступления в науке уголовного права было посвящено немало работ многих авторов. При этом понимание цели как признака субъективной стороны преступления было, за редким исключением, практически однозначным³.

¹ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 209 – 218.

² Кондратьев Ю. А. Регулирование умышленной вины требует радикальных изменений // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994. С. 63.

³ См., например: Викторов Б. А. Цель и мотив в тяжких преступлениях. М., 1963; Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974; Петелин Б. Я. Установление мотива и цели преступления. М., 1979; Парог А. И. Проблемы субъективной стороны преступления. М., 1991 и др.

Так, Б. С. Волков указывал, что цель очерчивает границы действия и в то же время устанавливает пределы предвидения¹. Иногда утверждалось, что цель – это всегда перспектива, она относится не столько к будущему, сколько к действию² или что цель выполняет «стратегическую» функцию³. Также цель признавалась интеллектуально-определенным продуктом проявления потребностей и побуждений лица⁴.

В настоящее время, согласно наиболее распространенной в доктрине уголовного права точке зрения, под целью совершения преступления понимается идеальный (мысленный) образ того результата, который стремится достигнуть лицо, совершающее преступление. «Именно цель превращает таящиеся внутри психики влечения, чувства в движущие мотивы. От цели зависит и вид деятельности, ее способ, средства»⁵.

Цель воспрепятствования законной деятельности должностного лица правоохранительного или контролирующего органа в ст. 320 УК РФ означает не что иное, как желание не допустить соответствующее правомерное поведение либо желание по каким-либо причинам данное поведение пресечь. Следовательно, указанная цель формируется в сознании виновного до начала выполнения должностным лицом правоохранительного или контролирующего органа своей деятельности или непосредственно в процессе ее осуществления.

Что касается мотивов разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, то они могут быть самыми различными и специально в законе не оговариваются.

Таким образом, для состава преступления, предусмотренного ст. 311 УК, характерна умышленная форма вины, причем как прямой, так и косвенный умысел. Лицо осознает, что разглашает сведения о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, участников уголовного процесса либо их близких, и желает этого либо сознательно допускает. Субъект рассматриваемого состава преступления специальный: это вменяемое физическое лицо, достигшее 16-ти летнего возраста, которому сведения о мерах безопасности были доверены либо стали известны в связи с его служебной деятельностью. К последним относятся должностные лица, принимающие решение об осуществлении государственной защиты, а также должностные лица, осуществляющие меры безопасности. Однако субъектом рассматриваемых преступлений может быть и лицо, которому эти сведения доверены. К таковым могут относиться само защищаемое лицо или его близкие.

¹ Волков Б. С. Детерминистическая природа преступного поведения. Казань, 1975. С. 39.

² Тугаринов В. П. Философия сознания. М., 1971. С. 71.

³ Гилязев Ф. Г. Социально-психологические, уголовно-правовые и криминологические аспекты вины. Уфа, 1978. С. 10.

⁴ Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968. С. 24.

⁵ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 230.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На международном уровне принято немало документов, посвященных обеспечению безопасности участников уголовного процесса. Вместе с тем анализ этих документов свидетельствует о том, что основное внимание в них уделяется проблемам обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших от преступлений и недостаточное внимание – обеспечению безопасности других участников уголовного процесса. Кроме того, рассмотренные нами международные документы носят в основном общий рекомендательный характер, они не несут за собой правовых гарантий, связанных с обеспечением мер безопасности участников уголовного процесса.

Нормы, устанавливающие в общем виде запреты на распространение любой информации о материалах уголовного дела и о лицах, по ним проходившим, содержались уже в памятниках средневековой Руси: в частности, Псковской и Новгородской Судной грамоте, Кормчей Книге и др. Однако лишь в УК РСФСР 1960 г. впервые была введена специальная норма (ст. 184¹), предусматривающая ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, прокурора, следователя, судебного исполнителя, лица, производящего дознание, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, сотрудника федерального органа государственной охраны, в отношении народного заседателя и присяжного заседателя, а также в отношении их близких родственников и иных лиц. В дальнейшем в УК РФ 1996 г. эта норма была преобразована и заменена двумя самостоятельными нормами, а именно: ст.ст. 311 и 320 УК РФ, которые действуют в настоящее время.

Важным моментом для правильного применения ст. 311 УК РФ является определение круга потерпевших. Ни в законодательстве, ни в судебной практике до сих пор нет четкой определенности по вопросу о том, кто может выступать потерпевшим от данного преступления. Решение проблемы видится в том, чтобы отойти от практики указания примерного или исчерпывающего перечня этих лиц. Полагаем, любое лицо (даже обвиняемый, если он помогает следствию или суду), связанное с расследованием или рассмотрением уголовного дела в суде, если есть реальная угроза его жизни, здоровью либо имуществу, может быть взято под государственную защиту и, следовательно, в отношении этого лица могут быть приняты меры безопасности.

Хотя Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ не содержит каких-либо ограничений по осуществлению мер, принятых для обеспечения безопасности участников всех форм судопроизводства (согласно ст. 2 Закона государственной защите подлежат судьи всех судов общей юрисдикции и арбитражных судов, арбитражные заседатели, присяжные заседатели), однако на деле безопасность участников гражданского и арбитражного судопроизводства находится вне сферы действия ст. 311 УК РФ, по-

сколько в ст. 311 УК РФ речь идет об обеспечении безопасности лишь участников уголовного процесса. Считаем, что этот вопрос должен быть решен на законодательном уровне путем установления уголовной ответственности за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников иных форм судопроизводства.

В целях более точного применения нормы, предусмотренной ст. 311 УК РФ, законодателю следует четче высказать свою позицию о форме вины по отношению к совершаемым действиям. Полагаем, что действия, связанные с неосторожным распространением сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного процесса, в отрыве от последствий не достигают степени общественной опасности, присущей преступлению. В связи с этим предлагаем в законе указать на умышленный характер совершаемых действий. По такому пути идет УК Республики Беларусь (ст. 408).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Международное публичное право: сборник документов. Т. 1. М.: Изд-во БЕК, 1996.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (по состоянию на 2 апреля 2018 г.). М.: Издательство «Омега-Л», 2018.
3. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.
4. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. С постатейными материалами. М.: Юрид. лит., 1984.
5. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федеральный закон от 20 апреля 1995 г. // СПС «КонсультантПлюс».
6. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20 августа 2004 г. // СПС «КонсультантПлюс».
7. О государственной тайне: закон РФ от 21 июля 1993 г. (в ред. от 26.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы: государственная программа утверждена постановлением Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 // СПС «КонсультантПлюс».
9. О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты, предоставления таких сведений и осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице : постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 705 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Правила осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 705) // СПС «КонсультантПлюс».
11. Бажанов А.В. Уголовно-правовая «защищаемых лиц». Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Пятой Международной научно-практической конференции. 24 – 25 января 2008 г. М.: Проспект, 2008.
12. Брусницын Л. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М., 2001.
13. Бойко А. И. Преступное бездействие. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
14. Бриллиантов А. В., Косевич Н. Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
15. Голубов И. И., Гулый А. А., Кужиков В. Н. Уголовная ответственность за преступления против правосудия: учеб.-практ. пособие. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011.

16. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.
17. Галахова А. В. Преступления против правосудия. М., 2005.
18. Гришаев П. И. Уголовное право. Часть Особенная. М., 1996.
19. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.
20. Дворников А. А. Уголовно-правовая охрана государственной и служебной тайны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007.
21. Денисов С. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.
22. Зимин А. А. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII - XV вв. // Памятники русского права. М., 1953.
23. Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса. М.: Экзамен, 2001.
24. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1997.
25. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Наумова. М., 1996.
26. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980.
27. Курс уголовного права. Т. 5. Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002.
28. Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Практический курс уголовного права России. Ставрополь, 2001.
29. Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2002.
30. Курбанов М. М. Уголовно-правовая охрана субъектов уголовного процесса. Махачкала, 2001.
31. Кондратьев Ю. А. Регулирование умышленной вины требует радикальных изменений // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994.
32. Котов Д. П. Мотивы преступления и их доказывание. Воронеж, 1975.
33. Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права. Ярославль, 1999.
34. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд. М., 1999.
35. Лонгвинов М. И. Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
36. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: проблемы классификации, регламентации и дифференциации ответственности: дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2000.

37. Мальцев В. В. Уголовно-правовая охрана должностных лиц и граждан в связи со служебной или общественной деятельностью // Законность. 1996. № 1.
38. Наумов А. В. Уголовное право: курс лекций. Особенная часть. М., 2007.
39. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во юрид лит., 2004.
40. Нуркаева Т. Н. Субъективная сторона преступления: лекция. Уфа: УЮИ МВД РФ, 1999.
41. Ромодановский К. О. Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
42. Преступления против правосудия. М.: Норма, 2005.
43. Саруханян А. Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь, 2003.
44. Тепляшин П. В. Вопросы квалификации воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования // Сибирский юридический вестник. 2004. № 2.
45. Тер-Акопов А. А. Юридическая безопасность человека в Российской Федерации (основы концепции) // Государство и право. 2001. № 9.
46. Уголовное право России: практический курс / под общ. ред. А. И. Бастрыкина, А. В. Наумова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
47. Чистяков О. И. Российское законодательство X-XX веков. Т. 1. М., 1984.

Учебное издание

Нуркаева Татьяна Николаевна
Линевич Ян Владимирович

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ
СВЕДЕНИЙ О МЕРАХ БЕЗОПАСНОСТИ, ПРИМЕНЯЕМЫХ
В ОТНОШЕНИИ СУДЬИ И УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

Учебное пособие

Редактор Л. Т. Курбанова

Подписано в печать 25.05.2018

Формат 60x84 1/16

Гарнитура Times

Усл. печ. л. 3,3

Уч.-изд. л. 3,0

Тираж 50 экз.

Заказ № 50

*Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*

*Отпечатано в группе полиграфической и оперативной печати
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*